АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«РУССКОЙ МЫСЛИ»
АПРЕЛЬ 1985

14

ОБОЗРЕНИЕ

ГОРБАЧЕВ
ГОДОВЩИНА ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Обозрение

Присылаемые рукописи могут быть написаны на любом из основных европейских языков. Объем статей не должен превышать 8-10 машинописных страниц, напечатанных с двойным интервалом. К рукописи должны прилагаться краткие биографические сведения об авторе. Материалы из Советского Союза могут быть помечены псевдонимом. Рукописи следует направлять по адресу Редактора. Подписка на «Обозрение» производится Издателем. Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает.

Tout texte sera accépté s'il est rédigé dans une des principales langues européennes. Le volume des textes envoyés ne doit pas dépasser 8-10 pages dactylographiées de 1500 signes (25 lignes de 60 signes). Prière de joindre au texte une courte notice biographique.

Manuscripts may be written in any one of the major European languages. The length of the manuscript should not exceed 8-10 doublespaced typewritten pages. Authors are requested to send a short biographical sketch along with their article. All materials should be sent to the editor. Declined manuscripts will not be returned.

Материал, публикуемый в «Обозрении», не может быть воспроизведен полностью или частично без разрешения Редактора.

Toute réproduction intégrale ou partielle sans le consentement de la rédaction est interdite.

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced in any form without the prior permission of the editor.

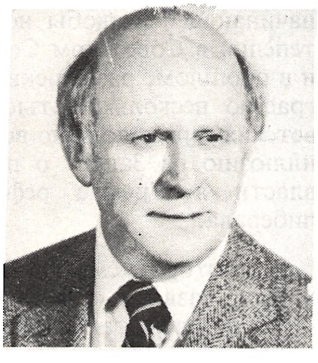
Адрес Редактора:
L'adresse du rédacteur:
Address of the editor:

A. Nekrich. 505 Pleasant Str.
Belmont MA 02178 USA.
Tel.: USA 617-495-4160; 484-8652.

Адрес Издателя:
L'adresse de l'éditeur:
Address of the publisher:

«La Pensée Russe»
217, rue du Faubourg St. Honoré.
75008 Paris
Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83.

Воспитание историей



Александр Некрич

Редактор «Обозрения»

Горбачев у власти

Снова сменилось руководство в Кремле. На смену умершему в марте 1985 года К.У.Черненко пришел М.С.Горбачев. Устоявшаяся система сработала плавно как никогда: Горбачев приступил к исполнению обязанностей генерального секретаря фактически еще при жизни Черненко.

Спустя полтора месяца, в конце апреля, кандидат в члены Политбюро В.М.Чебриков был сделан полным членом Политбюро; двое секретарей ЦК КПСС Е.К.Лигачев и Н.И.Рыжков были избраны членами Политбюро. Реорганизация Политбюро, на которую у других генеральных секретарей уходили годы, была проведена молниеносно. Секрет довольно простой — вся подготовительная работа уже была проведена Андроповым. В этом смысле «завещание Андропова» представляет особый интерес.

Один из трех — Лигачев, возглавляет отдел ЦК, руководящий работой обкомов партии, второй — Н.И.Рыжков, стоящий во главе экономического отдела ЦК, крупный специалист в области промышленности, и, наконец, третий — В.М.Чебриков, был избран Андроповым в качестве своего преемника на посту председателя КГБ.

Повышение в ранге этих трех лиц указывает на основные направления деятельности нового генерального секретаря: завершение мини-чистки партаппарата и расстановка своих людей на должностях секретарей обкомов, курс на интенсификацию производства, контроль над состоянием внутренних дел государства, включая надзор над местной властью, борьбу с хищениями и злоупотреблениями и подавление всякого инакомыслия, усиление деятельности по добыванию технологических секретов за рубежом. То, что «техник» Чебриков сделан членом Политбюро, как бы подчеркивает особое значение в структуре власти в настоящее время органов государственной безопасности. Ни один из «техников» на посту руководителя ГБ не удостаивался такой чести. Только крупные партийные деятели, руководившие ГБ, становились членами Политбюро — Н.Н.Ежов, Л.П.Берия и Ю.В.Андропов. Даже Ф.Э.Дзержинский был лишь кандидатом в члены Политбюро, все остальные никогда не поднимались выше членства в ЦК партии. Для соблюдения баланса министр обороны Соколов был избран кандидатом в члены Политбюро.

Смена поколений у власти в СССР происходит на наших глазах. Правда, новое поколение трудно назвать молодым — это пятидесяти-шестидесятилетние партийные бюрократы, с изрядным опытом закулисных комбинаций в борьбе за власть.

В отличие от прежних советских лидеров после Ленина, Горбачев окончил университет — юридический факультет МГУ. Поступил он туда в мрачное время позднего сталинизма, когда МГУ стал оплотом реакции и мракобесия, особенно этим славились гуманитарные факультеты. Студент Горбачев быстро становится комсомольским вожаком. В то время Сталин, готовясь к новой чистке партаппарата, начал выдвигать на руководящие посты комсомольских работников. Секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Михайлов сделан секретарем ЦК КПСС, секретарь ЦК комсомола Карело-Финской ССР Ю.В.Андропов назначен в 1951 году на ответственную работу в аппарат ЦК КПСС. Пополняется комсомольскими активистами аппарат органов государственной безопасности. В 1952 году, памятном разгулом антисемитской

кампании в связи с подготовкой дела «врачей-убийц», М.С.Горбачев становится членом партии. Немедленно после окончания юридического факультета (1955 г.) Горбачев возвращается в Ставрополь, откуда он родом, и начинает делать стремительную карьеру на комсомольском, а затем на партийном поприще (сначала по линии сельского хозяйства). Он получает также диплом агронома.

Ставропольский край — место знаменитых курортов для сердечников (Кисловодск) и для желудочников (Ессентуки). Горный воздух чрезвычайно полезен также и для легочников. В Ставропольский край приезжают для лечения и отдыха влиятельные партийные боссы. М.А.Суслов, сам в прошлом секретарь Ставропольского крайкома партии и, согласно неписаной партийной традиции, опекун края, покровительствует молодому и амбициозному М.С.Горбачеву. Его выдвижению способствует «старший брат» по комсомольской линии Ю.В.Андропов.

С 1970 года, т.е. в 39 лет (Горбачев родился в 1931 году) он — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, а спустя год — член ЦК КПСС. В 47 лет он становится секретарем ЦК, в 48 — кандидатом в члены Политбюро, год спустя — членом Политбюро и в 54 года — генеральным секретарем.

То, что Горбачев стал генеральным секретарем в 54 года, конечно, случайность. Не умри два его предшественника — Андропов и Черненко — в короткий промежуток времени, Горбачеву наверняка пришлось бы ждать несколько лет. Но то, что выбор пал именно на него, не было случайностью. Его готовили к этой должности исподволь, тренируя в разных областях, в том числе и в области внешней политики. Он несколько раз присутствует на съездах зарубежных компартий (Португалии, Франции, Италии, социалистических стран). На этих съездах он выступает совершенно так же, как и любой другой советский руководитель: борьба «за» — мир и социализм, борьба «против» — американского империализма и опасности войны. Горбачева, который после смерти своего покровителя М.А.Суслова заменяет его в качестве председателя комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, направляют с визитами в Бельгию, ФРГ, Канаду и Великобританию, где он производит самое благоприятное впечатление на своих хозяев. Его интересует психология Запада. Он исподволь изучает противника, с которым ему придется иметь дело. Так, например, он расспрашивает крупного американского бизнесмена Д.Эндреаса, что представляют собой американские консерваторы и как создать у них благоприятное впечатление о Советском Союзе. Выполняет Горбачев и другие, не менее ответственные поручения: он навещает «братские страны» — ГДР и Болгарию — вероятно, для того, чтобы помешать зашедшей чересчур далеко тенденции сближения с ФРГ. Он встречается также с Ярузельским.

Следуя давно установившейся традиции, Горбачев, как каждый новый советский руководитель делал это до него, заявляет о своей приверженности делу мира, готовности к диалогу с Западом , к переговорам об ограничении ядерного оружия. Горбачев согласен также «в принципе» на встречу с президентом Рейганом. Подобные заявления в несколько других обстоятельствах делались предшественниками Горбачева, которые затем, использовав все плоды детанта, спокойно возвращались «на круги своя», добиваясь перевеса в военном балансе и распространения советского влияния в мире все дальше, все шире и любыми методами, включая военные. Последний пример — Афганистан.

Однако стиль Горбачева кажется иногда более цивилизованным. Тактика отражает стиль — она стала гибче, приемлемее. Некоторое изменение тактики было вызвано, без всякого сомнения, твердой и устойчивой линией политики правительства США. Она рассчитана на то, чтобы не позволять впредь Советскому Союзу нарушать военный баланс между сверхдержавами и добиваться военного превосходства. По-видимому, два главных фактора определяют сейчас тактическое маневрирование Советского Союза: во-первых, сложное положение, в котором оказалась советская экономика в связи с безудержной гонкой вооружений; во-вторых, необходимость воздерживаться от нового обострения отношений с Соединенными Штатами Америки, по крайней мере, до тех пор, пока в СССР не будет осуществлен решительный прорыв в области изготовления принципиально новых видов оружия. Погоня за выигрышем во времени становится важнейшей внешнеполитической задачей Советского Союза. Отсюда некоторое понижение обычно агрессивного тона советской пропаганды. Этим попутно достигается цель создать на Западе впечатление о начинающейся якобы новой «оттепели» в Советском Союзе. Как и в прошлом, разрешение на эмиграцию нескольким тысячам советских евреев должно воскресить иллюзию на Западе о приходе к власти в Кремле реформиста-либерала.

В некотором смысле Горбачева можно назвать «счастливчиком» — он пришел, так сказать, на готовенькое. Программа действий после смерти Брежнева была выработана Андроповым, кое-как проводилась при Черненко и перешла затем по наследству к Горбачеву. Он рассчитывает укрепить свое положение генсека до предстоящего XXVII съезда КПСС. Но в недалеком будущем ему придется сделать выбор между серьезными решениями в области экономики и обычным косметическим ремонтом фасада советской системы.

Что бы ни делал новый генеральный секретарь, что бы он ни обещал, что бы ни писали про него на Западе, критерием оценки его деятельности, а следовательно, намерений может быть только одно — степень свободы, которой пользуются граждане Советского Союза.

Между тем, советская система продолжает свою будничную работу: недавно в Восточной Германии был застрелен советским часовым американский офицер майор Никольсон, хотя стрелять в него обстоятельства никак не вынуждали.

40-летие победы над нацистской Германией

Горбачев стал во главе партии в разгар подготовки к торжественному празднованию 40-летия со дня победы над гитлеровской Германией. Еще в июне 1984 года ЦК КПСС принял специальное постановление о предстоящих торжествах. Они должны быть использованы прежде всего для воспитания народа на героических примерах прошлого. Воспитание историей — такова задача в области идеологии, выдвинутая партией. Речь идет, конечно, об истории, санкционированной партией, и, прежде всего, об усвоении основных этапов истории КПСС. В 1985 году собираются торжественно отпраздновать еще два юбилея — 50-летие стахановского движения и 80-летие российской революции 1905 года. Все эти три события символизируют как бы трех «китов», на которых зиждется сейчас здание советской идеологии: подвиг в войне, подвиг в труде, революционная традиция.

Естественно, что нет и речи о воспитании на фактах подлинной истории, в которую, конечно, входят не только ратные и трудовые дела, революции и восстания, но и повседневная жизнь народа, история его сопротивления как чужеземным захватчикам, так и собственной власти, поработившей его. КПСС использует годовщину войны для укрепления и распространения мифа о якобы нерушимом единстве партии и народа. Память о войне против гитлеровской Германии и об огромных жертвах, сопровождавших эту войну, должна служить как бы цепью, приковывающей народ к партии. Естественно, что ради этой цели история второй мировой войны препарируется таким образом, чтобы в памяти у людей отложились лишь факты, свидетельствующие о мудрости и прозорливости партии и ее руководителей. В этом и состоит смысл воспитания историей, призывы к которому звучат сейчас со страниц советской печати, на торжественных собраниях, посвященных годовщине окончания войны.

История второй мировой войны искажается до неузнаваемости. Особенно это относится к периоду 1939-1941 годов, когда СССР фактически находился на стороне агрессора — гитлеровской Германии, помогая ей сначала развязать войну в Европе, а затем оказывая ей военную, политическую и моральную поддержку. Так продолжалось вплоть до нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года.

Напомним о некоторых событиях того времени.

23 августа 1939 года гитлеровская Германия и Советский Союз подписали в Москве так называемый пакт о ненападении. 28 сентября того же года был подписан другой пакт, официально именуемый «Договором о дружбе и границе». Оба договора содержали секретные приложения, которые и сейчас, спустя 40 лет после окончания войны, остаются скрытыми от советского народа. Суть этой секретной договоренности между Сталиным и Гитлером заключалась в разделе Восточной и частично Юго-Восточной Европы на сферы интересов обоих государств. Прежде всего это касалось Польши, восточная часть которой (Западная Украина и Западная Белоруссия) отходила к Советскому Союзу, а западную часть оккупировала Германия. В зону СССР включались также Латвия, Литва, Эстония и, в известном смысле, Финляндия. Были заключены и другие секретные соглашения. Первым результатом сговора Гитлера и Сталина было нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, положившее начало второй мировой войне. 17 сентября Красная армия ударила по Польше с востока в трагический момент, когда польская армия отчаянно защищалась от наседавших с запада немцев. Победители отпраздновали гибель Польши парадом свой войск в Бресте. На трибунах стояли рядом немецкие и советские командиры. Но это было лишь началом советско-нацистского сотрудничества, скрепленного, как писал Сталин Риббентропу, кровью (кровью поляков, разумеется. — Ред.).

Молотов, который был в ту пору председателем СНК СССР и народным комиссаром иностранных дел, похвалялся на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года: «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны германской, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...». Депутаты Верховного Совета одобрительно аплодировали. Советско-германское военное сотрудничество включало предоставление Германии базы на Мурманском побережье для ее подводных лодок, оперирующих против Англии. СССР снабжал германскую военную авиацию, совершавшую террористические налеты на Англию и ее города, сводками погоды, что облегчало немецким пилотам их действия. Советские ледоколы «Сталин» и «Каганович» провели немецкий рейдер через Североморской путь в Тихий океан, где рейдер топил затем суда, доставлявшие продовольствие, оружие и снаряжение на Британские острова.

В 1939-1941 годах Советский Союз снабжал Германию зерном, нефтью и стратегическими материалами, в которых она отчаянно нуждалась для ведения войны против Запада. СССР также производил закупки стратегических материалов в третьих странах для Германии и доставлял их ей. Советский Союз вел пропагандистскую кампанию против Англии и Франции, утверждая, что, мол, они, а не Германия, являются агрессорами. Советские пропагандисты также убеждали США не выступать на стороне Англии. Наконец, в ноябре 1940 года Молотов отправился в Берлин, где получил предложение, чтобы СССР принял участие вместе с фашистскими державами — Германией, Италией и Японией — в будущем разделе мира. Вопреки утверждениям советской историографии, будто советское руководство отклонило предложение Гитлера, на самом деле Сталин и Молотов не только согласились обсуждать планы будущего дележа добычи, но и составили свой собственный план, который даже видавшему виды Гитлеру показался чрезмерным.

В разгаре советско-нацистской дружбы Германии были выданы немецкие и австрийские антифашисты, находившиеся в советских лагерях по ложному обвинению в

шпионаже в пользу Германии. Этот период был также отмечен массовым убийством пленных польских офицеров в Катыни, вблизи Смоленска, осуществленным НКВД. В это самое время нацисты в оккупированной ими западной части Польши производили массовое истребление польской интеллигенции.

Разумеется, что знакомство со всеми этими фактами отнюдь не входит в программу воспитания советских людей историей, к которому призывает «Правда» в одной из своих передовых статей.

Как известно, СССР понес в войне огромные потери — 20 миллионов человек, т.е. 10-11% от всего населения. (Правда, Польша потеряла относительно своего населения в два раза больше — 20%. Это и понятно, ибо она стала жертвой двух агрессоров одновременно, оккупация ее территории продолжалось более пяти лет.) В Советском Союзе редко можно было найти семью, не потерявшую в войне кого-нибудь из своих близких. Советские солдаты и гражданское население объединенными усилиями с народами США, Англии и других свободолюбивых стран отстояли свою родину и выиграли войну. Потери в войне постоянно эксплуатируются советским партийным руководством в политических целях — дома и за рубежом — и не без успеха.

Но в чем же причина таких огромных потерь?

Они, эти потери, определялись тремя основными факторами: жестокостью немецких захватчиков, преследовавших политику уничтожения советских военнопленных, а их было до 5 миллионов, и политикой геноцида и голода, проводимой на оккупированных нацистами советских территориях. Вторым фактором была сама война с сопутствующими ей несчастьями — бегством и эвакуацией мирных жителей, болезнями, обнищанием населения. Третьим фактором была жестокость самой советской системы, просчеты, ошибки и преступления, совершенные высшим советским политическим и военным руководством.

Жизнь человеческая в СССР не ставилась ни в грош на протяжении всех лет существования советского режима. В десятилетия, предшествовавшие войне, миллионы советских граждан погибли во время насильственной коллективизации и террора. Во время войны происходило планомерное уничтожение целых народов, главным образом мусульманских, навлекших на себя гнев советской власти. Террор против вооруженных сил обезглавил армию в конце 30-х годов. Наиболее способные военачальники — трое из пяти маршалов Советского Союза, а также большинство командиров корпусов, дивизий, бригад — были уничтожены; многие высшие офицеры были брошены в тюрьмы и лагеря.

Сотрудничество с гитлеровской Германией привело к созданию общей границы с агрессором на протяжении нескольких тысяч километров, совершенно открытой для вторжения врага. Фортификации на новой границе не были воздвигнуты, а на старой были взорваны или срыты по приказу Сталина. Вот почему Красная армия откатывалась на восток в течение первых месяцев войны, теряя убитыми и пленными миллионы своих солдат и боевое снаряжение. Потери еще больше возросли затем из-за просчетов высшего командования, плохо подготовленных наступлений, беспорядочных отходов, пренебрежительного во многих случаях отношения командиров к солдатским жизням. Достаточно прочесть мемуары маршалов и генералов, чтобы отдать себе отчет в том, что цена, уплаченная за победу, могла бы быть гораздо ниже.

История войны против гитлеровской Германии — это история также и того, как высшее командование думало не о том, чтобы выиграть сражения с возможно меньшими жертвами, а о том, как победить, не считаясь ни с какими потерями. В этом, кстати, содержится частично и ответ на недоуменный вопрос, почему гитлеровская Германия, нападающая сторона, потеряла немногим больше 7 миллионов людей за 6 лет войны, в то время как Советский Союз потерял в три раза больше за 4 года войны. Ученым еще предстоит заняться проблемой потерь во время войны против Германии.

И последнее. Подготовка к военному юбилею проходит под знаком принижения роли США и Великобритании, сыгранной в разгроме Германии. Это правда, что СССР вынес на своих плечах основное бремя войны в 1941-1945 годах, но также правда и то, что не выстои Великобритания один на один против гитлеровской Германии в 1939-1941 годах (вплоть до вступления в войну США), Советский Союз, вероятно, проиграл бы войну. Материальная помощь, оказанная союзниками Советскому Союзу во время войны, была очень важна и составляла 1/8 — 1/10 часть от произведенного в самом Советском Союзе. Но нет сомнения, что без английских и американских самолетов в 1941 году у Красной армии вообще не было бы прикрытия с воздуха, и это факт, что в 1942-1945 годах стремительные наступления Красной армии стали возможны только благодаря американским военным транспортным средствам, доставленным в СССР морем и через Иран. Недаром известная русская пословица гласит: «Дорого яичко к красному дню».

Моряки союзных флотов, доставлявшие оружие и снаряжение советскому союзнику, были не менее отважны, чем советские моряки. Солдаты союзных войск, воевавшие против немцев и итальянцев на Ближнем Востоке, в Африке, в Европе, против японцев — в джунглях Индокитая и Бирмы, на островах Тихого и Индийского океанов, сделали все, что могли, для достижения общей победы, так же, как советские солдаты на своих фронтах. Десантная операция в Нормандии в июне 1944 года, положившая начало открытию Второго фронта, была достижением высшего порядка в истории войн. Именно так охарактеризовал ее в свое время Сталин, в то время Верховный главнокомандующий советскими вооруженными силами.

История призвана учить и воспитывать, в том числе и уважение к делам своих союзников по общей борьбе. ■

Можно ли доверять Горбачеву?

(Глупый вопрос, основанный на банальных размышлениях[1])

Марио Корти

Марио Корти — журналист и переводчик. Составил несколько сборников документов о советском инакомыслии, опубликованных в Италии. Статьи, а также интервью Марио Корти напечатаны во многих европейских и американских изданиях. Работает в исследовательском отделе радиостанции «Свобода». В 1972-1975 годах был переводчиком посольства Италии в Москве.

Избрание Михаила Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС вызвало на Западе целый поток восторженных заявлений политических деятелей и представителей общественности. Маргарет Тэтчер вспомнила его визит в Англию в середине декабря прошлого года. «Мне нравится господин Горбачев, — говорила она тогда. — Думаю, что с ним можно будет договориться». Британская общественность очарована культурностью и вкусом госпожи Горбачевой, ее умением себя вести и образованностью.

Президент Рональд Рейган поспешил предложить новоизбранному Генеральному секретарю встречу, сняв почти все предварительные условия, которые он ставил предшественникам Горбачева. На канцлера Хельмута Коля, которому довольно долго пришлось ждать приема (он был принят последним в ряду западных государственных деятелей, присутствовавших на похоронах Черненко), Горбачев произвел глубокое впечатление, в частности, способностью говорить без бумажек. «Он умеет выражать свое мнение по самым разным вопросам с большим авторитетом и знанием дела, — сказал канцлер. — Он способен аргументировать, умеет слушать собеседника и обладает тонкими историческими познаниями».

Даже в среде политических эмигрантов из Советского Союза нашлись такие, которые с трудом сдерживали восхищение. Один из них в порыве энтузиазма предсказал, что теперь уж наверняка Сахарова отпустят в Москву, а евреев выпустят.

Можно было наблюдать и сдержанные, и откровенно скептические реакции. По мнению Франсуа Миттерана, «было бы ошибкой думать, что приход нового лидера к власти сможет привести к каким-то существенным изменениям в советской политике». Находившийся в то время в Риме Збигнев Бжезинский, советник по внешней политике при Картере, заявил: «О Горбачеве на Западе говорят и пишут массу глупостей. То, что он молод, хорошо одевается, культурно себя ведет, то, что у него миловидная жена, — все это почему-то воспринимают как отличительные черты реформатора. Хрущев, как известно, был грубияном, Дэн Сяопину лет восемьдесят. И тот и другой в разной степени оказались реформаторами».

Но каковы бы ни были суждения — восторженные, осторожные или скептические, никто не сомневается в том, что Михаил Горбачев человек энергичный, сильный, очень способный и деловой. Так его охарактеризовал государственный секретарь США Джордж Шульц.

[1] Автора спрашивали, зачем публиковать статью, если вопрос глупый и размышления банальные? Ответ: очевидно, потому что есть люди более глупые, чем автор статьи, высказывающие еще более банальные мысли и забывшие банальные истины.

Разумеется, говорить о Генеральном секретаре ЦК КПСС и не учитывать, что его действия обусловлены объективной ситуацией, что он, хотя и главный член Политбюро, но все же лишь "primus inter pares", что Политбюро, в свою очередь, эманация партаппарата, что партийный аппарат, как-никак, взаимодействует с обществом, — не имеет большого смысла. И тем не менее, искушение рассуждать, как будто от него одного во многом зависит судьба Советского Союза, а следовательно, и решение вопросов мирового масштаба — неотразимо.

В книге "Della ragion di Stato" («О государственной необходимости»), опубликованной в 1589 году, Джованни Ботеро определил предмет исследований как «науку о средствах, пригодных для основания, сохранения и расширения господства над народами». О каких средствах здесь идет речь, могут легко догадаться все, кто немного знаком с историей и политической мыслью.

Принцип расширения господства действует неизменно и по сей день равно для государств с различным общественным и политическим строем. Если в данное время в приложении к западным демократиям нельзя говорить о стремлении к территориальным завоеваниям, то со всей уверенностью можно утверждать, что все они добиваются по крайней мере расширения своей сферы влияния, как политического, так и экономического. Тем более действителен этот принцип в приложении к такой стране, как Советский Союз, откровенно преследующей то, что в традиции немецкой политической мысли называют "Machtpolitik", не боящейся собственной силы, применения ее или угрозы ее применения. Именно это и составляет основное преимущество Советского Союза — в международных отношениях — перед западными демократиями.

Можно не сомневаться в том, что Михаил Горбачев, при всех его общепризнанных достоинствах поставит все свое политическое умение на службу интересов советского государства, или, если угодно, государственной необходимости: того, что любят называть французским выражением "raison d'état", являющимся калькой итальянского "ragione di stato". Так во всех странах и во все времена поступали государственные деятели, достойные этого имени, до Горбачева. Так будут они поступать и после него. На то они и государственные деятели[2].

В чем же состоят «интересы советского государства»?

Во внутренней политике — в укреплении власти, в устранении каких бы то ни было факторов, могущих дестабилизировать советское общество и представляющих угрозу для государственной власти. Это вовсе не исключает проведения более либеральной политики, реформ экономической, общественной, культурной или политической жизни. Если обстоятельства заставят, если в оценке советского руководства реформы в той или иной области послужат укреплению (или спасению) строя и если они не вызовут цепной реакции в обществе, то есть требований еще больших реформ, еще большей либерализации, то и реформы не исключены. Не исключено и то, что сбудутся предсказания вышеупомянутого эмигранта, и Горбачев «отпустит Сахарова и выпустит евреев». Но будет надобно — советская власть и при Горбачеве прибегнет к еще большему нажиму, еще большим репрессиям против инакомыслящих. Впрочем, даже если все то положительное, что было написано в западной прессе о Михаиле Горбачеве, соответствует действительности, то в лучшем случае он поступит по принципу: «По возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла»[3].

То, что Горбачев молод, хорошо одевается, культурно себя ведет, то, что у него миловидная жена, — всё это почему-то воспринимают как отличительные черты реформатора.

Во внешней политике Советский Союз по-прежнему будет стараться еще больше укрепить свое положение в мире, расширить свое политическое влияние, извлечь максимальную выгоду из любой ситуации, которая создастся на международной арене. Что касается международных обязательств Москвы, то, если ей это выгодно, она их выполнит, если нет — не выполнит. Так было до Горбачева, так будет при Горбачеве, так будет и после него. Собственно, он и не скрывает, в отличие от более лицемерных политиков, что он способен рассуждать именно в таком духе. Во время его визита в Англию — правда, с целью вбить клин в отношениях между США и их европейскими союзниками, в соответствии с традиционной политической линией Советского Союза — Горбачев напомнил Маргарет Тэтчер о внешнеполитической концепции лорда Пальмерстона: «У наций нет друзей, у них есть только интересы».

Так можно ли после этого доверять Горбачеву?

На этот вопрос министр иностранных дел Италии Джулио Андреотти ответил со свойственным ему сарказмом: «Не я должен вручить ему награду за заслуги или свидетельство о хорошем поведении. Горбачев действительно производит впечатление человека, склонного к компромиссам, но, несомненно, на пользу безопасности и престижа Советского Союза. С этим и нужно считаться. Мы не может судить о нем на основании того, что он пил чай с госпожой Тэтчер».

Как говорят итальянцы: "Fidarsi è bene, non fidarsi è meglio".

Иными словами, как учит КПСС: «Доверяй, но проверяй».■

[2] Правда, еще Иммануил Кант считал, что логика государственной необходимости в международных отношениях исторически преодолима: при условии устранения антагонизма между государствами, т.е. путем учреждения некоей высшей власти, которой все нации будут подчиняться, иными словами, путем образования всемирной федерации государств (I.Kant. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. 1784; Zum ewigen Frieden. 1795).

[3] Niccolò Machiavelli. Il Principe. 1515.

Меняющаяся оценка

(О высадке союзников в Нормандии)

1944-й год

На вопрос корреспондента «Правды», как оценивает товарищ Сталин высадку десанта союзников в Северной Франции, товарищ Сталин ответил следующее:

Подводя итоги семидневных боев освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции — удались полностью. Это — несомненно, блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштаба и мастерству выполнения.

Как известно, «непобедимый» Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведет форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело как достижение высшего порядка.

13 июня 1944 года

Внешняя политика Советского Союза в период Великой отечественной войны. Документы и материалы. ОГИЗ, 1949, т. II, с. 37.

1955-й год

«Буржуазные фальсификаторы истории пытаются извратить действительный ход событий на советско-германском фронте и других фронтах второй мировой войны, стремятся всячески умалить значение решающего вклада, внесенного советским народом и его армией в дело разгрома фашистской Германии и ее сообщников. Но правду нельзя скрыть никакой ложью и клеветой.

...Правящие круги США и Англии не выполнили торжественного обязательства об открытии второго фронта в Европе в 1942 году. Они открыли второй фронт лишь в 1944 году, когда стало ясно, что Советская Армия одна, без помощи союзников, в состоянии до конца разгромить гитлеровскую Германию. Однако и после того, как второй фронт был открыт, главные силы немецко-фашистской армии по-прежнему оставались на советско-германском фронте. Здесь действовало в 4 раза больше немецких дивизий, чем против англо-американских войск».

А.Желтов. Всемирно-историческая победа советского народа («Коммунист», 1955, №7, с. 52)

1965-й год

«...Боевые действия англо-американских войск сковали большое число немецко-фашистских дивизий, что сыграло важную роль в приближении конца войны. Но не следует забывать, что второй фронт был открыт союзниками лишь после того, как стало ясно, что Красная Армия сможет один на один победить врага. Такое развитие событий явно не устраивало правящие круги США и Англии: они опасались революционного взрыва в странах Западной Европы, крушения капиталистических порядков и поэтому решили высадить свои войска в Северной Франции...»

Всемирно-историческая победа советского народа («Коммунист», 1965, №7, с. 6)

«...Вторжение союзников в Северную Францию 6 июня 1944 года фальсификаторы истории называют «решающей битвой», положившей начало концу второй мировой войны.

→

Подписание пакта о ненападении. Кремль, 23 августа 1939 года.

Нужно потерять последние остатки объективности, чтобы с таким усердием воскурять фимиам англо-американским вооруженным силам и превозносить их «заслуги» во второй мировой войне. Апологеты империализма не считаются с фактами, а факты, конечно, сильнее всяких измышлений. Достаточно сказать, что в годы войны, когда Красная Армия фактически одна противостояла фашистскому вермахту, проявляя невиданное мужество и героизм, руководящие деятели Англии и США не смели идти против очевидной истины и открыто признавали первостепенное значение советско-германского флота».

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, в 6-ти томах. Военное изд-во Мин. обороны СССР. М., 1965, т. 6, с.24.

1984-й год

«Победы советских вооруженных сил в борьбе против немецко-фашистских захватчиков вынудили тогдашних наших союзников серьезно задуматься об открытии второго фронта. Президент США Франклин Рузвельт после Курской битвы пришел к выводу, что «если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится». США и Англии ничего не оставалось, как перейти, наконец, от обещаний к практическим действиям.

6 июня 1944 года второй фронт был открыт. Высадке союзников в Нормандии благоприятствовала сложившаяся к тому времени общая военно-стратегическая обстановка. В ходе зимне-весеннего наступления 1944 года Советская Армия разгромила более 170 дивизий противника. Для восполнения потерь гитлеровское командование ослабило группировку своих войск на Западе, перебросив на советско-германский фронт более 40 дивизий.

К началу июня 1944 года против Советского Союза действовали 239 дивизий противника, в том числе 181 — германская. Во Франции, Бельгии и Нидерландах оставались 58 немецко-фашистских дивизий. Причем, их боевая способность была невысокой. Более половины из них почти не имели автотранспорта, а около двадцати формировались или восстанавливались».

Д.Ф.Устинов. Победа, развеявшая мифы и иллюзии («Правда», 9.5.1984)

«...Наслушавшись... хвастливо-лживых радиобасен Геббельса и его подручных о неприступной «крепости Европы» и «непробиваемости» нацистского «атлантического вала» вдоль побережья, генералы штаба союзных экспедиционных сил расписывали нам «невероятные трудности» вторжения, «неизбежность» длительных боев и огромных потерь... Как обнаружилось уже в первые часы высадки, страхи перед «атлантическим валом» оказались сильно преувеличенными. Военные корреспонденты, переброшенные в Нормандию вскоре после высадки десанта, находили лишь редкие укрепленные артиллерийские и пулеметные гнезда. «Неодолимого вала» в Нормандии не было». ■

Д.Краминов. Правда о втором фронте («Правда», 28.5.1984)

Встреча американских и советских солдат на Эльбе 25 апреля 1945 года

Война на экране

Семен Черток

Семен Черток — критик, журналист, автор книг и статей по советскому искусству, литературе и кино. С 1979 года живет в Израиле.

Рев самолетов, грохот танков, экран в разрывах бомб... Война на экране идет беспрестанно. Когда-то эти фильмы назывались оборонными, потом — военными, теперь — военно-патриотическими. В них нет живых людей, мотивировок поступков, они иллюстрируют партийные тезисы об «империалистической агрессии», приказы министра обороны, воинские уставы. Персонажи традиционны — молодой боец, бывалый солдат, суровый, но справедливый командир, озабоченный маршал, докладывающий Ставке о выполнении приказа. Рядовые ведут бой, генералы и маршалы планируют победы. Враг должен быть уничтожен.

«Когда страна прикажет быть героем...»

Экранная наука ненависти началась с пулеметных очередей, косивших «белых» в «Чапаеве» (1934) бр. Васильевых, богунцев, рубивших петлюровцев в «Щорсе» (1939) А.Довженко, «басмачей» в «Тринадцати» (1936) М.Ромма. Это кино учило колоть, стрелять, смахивать голову шашкой. Даже в исторических сюжетах жил нынешний враг. Александр Невский рубил не только тевтонских рыцарей, и суворовские чудо-богатыри шли грудью не только на редуты французских гвардейцев: кино создавало многоликий, но вечный образ захватчика, врага, оккупанта, которому уготована смерть.

Режим готовился к войне, но и боялся ее. Главный враг — гитлеровская Германия — до поры до времени по имени не назывался. В фильмах «Летчики» (1935) Ю.Райзмана, «На границе» (1937) А.Иванова, «Эскадрилья №5» (1939) А.Роома веселые и смелые герои, шутя и играя, побеждали под бравурные марши Дунаевского и братьев Покрасс. Вихрастые, задорные, они олицетворяли лозунг: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой».

Поскольку войны без потерь не бывает, экран утверждал их лимит: один самолет, один танк, несколько бойцов. Раненых могло быть больше: «если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его». Кино оказалось не готово к предстоящей войне так же, как армия и ее маршалы, — художественное мышление не опережало стратегическое. Уже пал Париж, бомбы летели на Лондон, танки шла на Дюнкерк, уже Красная армия и вермахт поделили Польшу, а на экране «противник» — идиот и трус в форме кайзеровской армии стрелял из допотопных пушек, летал на фанерных бипланах и проигрывал киносражения. В «Танкистах» (1939) З.Драпкина и Р.Маймана один танковый экипаж приводит в замешательство весь неприятельский фронт. В фильме «Если завтра война» (1938) Е.Дзигана погранзастава удерживает целую армию вторжения и после коротких схваток

вступает на землю агрессора, а навстречу освободителям движутся колонны зарубежных трудящихся — пролетарии всех стран соединяются. В картине есть такой эпизод: раненный политрук берет шашку в левую руку, боец — в правую, они скачут вдвоем на одной лошади, рубя врагов направо и налево. В этих фильмах не обнаружишь ни одной детали, ни одной черточки правды — даже во внешнем виде солдат и командиров, в фонограмме атаки или речи героев. Малейшее соответствие истине выявило бы всю чудовищную нелепость зрелища. Экранная ложь скрывала от зрителей отсталую технику, разгром командного состава, стратегическую и психологическую неподготовленность к настоящей войне.

Между водевилем и плакатом

Не удивительно, что с началом войны кино поразила немота. Немцы уже были около Москвы, Ленинграда, Сталинграда, а на экране все уходили под лед тевтонские рыцари и штурмовали крепости суворовские чудобогатыри. Дело не только в обычной медлительности советского кино, где большая часть времени уходит не на съемки, а на утверждения, согласования, поправки: война заставила сократить сроки производства фильмов вдвое. Дело в том, что разлученное с жизнью, не имевшее представления о реальной военной действительности кино не знало, как ее показывать.

«Мосфильм» и «Ленфильм» слили в ЦОКС — Центральную объединенную киностудию в Алма-Ате, другие студии эвакуировали в Ашхабад, Ташкент, Сталинабад. Отрезанное от фронта пятью тысячами километров, лишенное личного опыта режиссеров, актеров, драматургов, скованное агитационными задачами, кино военных лет оказалось еще примитивнее довоенного. До середины 1942 года полнометражные художественные фильмы не ставились — их заменили новеллы «Боевых киносборников», в которых целые немецкие батальоны не могли справиться с одним лихим пулеметчиком, девочка Таня, переодетая мальчиком Ваней, решала исход боя, а крестьяне с граблями кидались на фашистский десант и брали его в плен. В новелле В.Пудовкина и М.Доллера «Пир в Жирмунке» (1941) старуха-знахарка угощала немцев отравленной едой. Повар Антоша Рыбкин в короткометражке К.Юдина в зависимости от ситуаций воевал то винтовкой, то плошкой, успевал и обед варить, и с десантниками расправляться.

Карикатурные немцы остались и в первом полнометражном военном фильме «Секретарь райкома» (1942) И.Пырьева. Герой в исполнении В.Ванина без труда обводит вокруг пальца немецкого полковника (М.Астангов) с оперетточными усами. Пулеметные

Сегодняшний неосталинизм в советском искусстве возвращает кино о войне к стилю и сюжетам предвоенного и военного времени.

очереди косят идущих в атаку в полный рост фашистов, как это было в «Чапаеве», где под огнем Анки-пулеметчицы падали офицеры-каппелевцы. В сделанной А.Столпером экранизации романа К.Симонова «Дни и ночи» (1944) во время сталинградских боев в ста метрах от вражеских окопов хор бойцов поет «Ах ты, степь широкая...», а генерал исполняет «Думку» соло. Военное кино соединяет водевиль с плакатом, но водевиль этот — скучный и глупый, а плакат — примитивный. Да и самый лучший плакат рассчитан на мгновенное восприятие — его невозможно рассматривать полтора часа.

Наука ненависти

Военное кино должно вызывать ненависть к врагу. Предвоенную эстетику разрешили менять только в одном направлении — неограниченно показывать жестокость врага. А.Довженко говорил в 1942 году: «Сегодня и завтра придется раздвигать рамки дозволенного в искусстве. То, что в угоду вкусам, в угоду эстетическим требованиям считалось запретным, как слишком страшное, слишком гнусное, слишком жестокое, физиологическое, — то просится сегодня на экран»[1].

Еще одно допущение, которого потребовала война, дозированный русский патриотизм. Разумеется, на экране не было подлинных характеров и чувств людей, попавших между молотом нацизма и наковальней коммунизма, появились лишь внешние приметы народной жизни: рушники, сарафаны, монисты. О подлинно народном — разоренном крестьянстве, позоре поражения, миллионах пленных, штрафбатах и заградотрядах — кино говорить не могло. Вместо полутонов в нем появилась полуправда, вместо подлинности — вторичность. В этом кино все удивительно ясно, просто, элементарно. Изменница Пуся в «Радуге» (1944) М.Донского сидит на постели полунагая и ест шоколад: как же еще может выглядеть предательница? А герои диктуют заявления о приеме в партию, закрывают телом амбразуру пулеметов, с петлей на шее кричат: «Да здравствует товарищ Сталин» («Зоя Космодемьянская» Л.Арнштама, 1944).

Двухмерные герои

Геббельс считал, что фильмы должны идти впереди наступающих армий, а их создателей называл авангардом вермахта. Этого же требовал от советского кино агитпроп: фильмы должны были возбуждать ненависть к немцам, как и немецкие — ненависть к другим народам и любовь к Гитлеру. И в тех, и в других конкретные наблюдения, реальные ситуации запрещались. Это произведения не столько о войне, сколько для войны, впрочем, мало ей помогавшие, — для этого они слишком ходульны. По Л.Толстому, для историка есть герои, а для художника «не должно быть героев, а должны быть люди», причем ха-

[1] Цит. по кн. Ю.Ханютин. Предупреждение из прошлого. М., «Искусство», 1968, с.74.

рактер человека «должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений»[2]. Советские фильмы о войне вместо образов людей создают модель героя или, как выразился А.Довженко, «выполнителя победы». Двумерные унифицированные персонажи лишены воспоминаний и сомнений, не думают, не спорят, не мечтают. Это не конкретные люди, а сталинские «винтики», представители социальных групп или родов войск. Даже черты их лиц сливаются в одно. Они одинаково крутят баранки, одинаково плоско шутят, назначают свидания, нажимают на гашетки, прыгают с парашютом. Режиссер И.Савченко говорил в ту пору, что по военным фильмам не узнаешь, «...что люди ели, какое держали в руках оружие, как были обмундированы, чем отапливали блиндажи». Безразличное к человеку, беспомощное в рассказе о нем, такое кино вполне устраивало агитпроп и Главпур (Главное политическое управление армии), которые боялись, что война с ее страданиями и лишениями на какое-то время сплотила людей, породила надежды. После двадцати лет сталинщины в войну стало легче дышать. Поэтесса Ольга Берггольц в сентябре 1941 года писала:

Я никогда с такою силой,
Как в эту осень, не жила,
Я никогда такой красивой,
Такой влюбленной не была.

Только раз кино тех лет попыталось осмыслить время — в фильме В.Пудовкина и Ю.Тарича «Убийцы выходят на дорогу» (1942), тогда же и запрещенном. Режиссеры поставили его по пьесе Бертольда Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи». Вслед за немецким драматургом они хотели понять и объяснить механизм подавления личности в тоталитарном государстве. И хотя речь шла о немецком народе, а действие происходило в гитлеровской Германии, экран воспроизвел знакомую зрителю атмосферу лицемерия, страха, беззащитности человека перед государственной машиной.

Кино генералов

Первичная агитационная задача изжила себя, когда в войне обозначился перелом. С 28 июня по 1 июля 1944 года было созвано «Совещание по вопросам художественной кинематографии в дни войны». Новую цель сформулировал А.Довженко, призвав к парадным картинам, к приукрашиванию героя: «Правительство и народ-победитель вправе пожелать, чтобы их героические деяния были представлены человечеству красиво и достойно, соответственно благородству и красоте той роли, которую они выполнили в мировой истории»[3].

Призыв Довженко означал полный отказ от реальностей военного быта, переход к условному кино. Новому заданию отвечали комедия С.Тимошенко «Небесный тихоход» (1945) и водевиль И.Пырьева «В шесть часов вечера после войны». Но теперь захотели увидеть себя на экране и генералы. Их уже не устраивала просто помпезная монументальная война с красиво летящими гранатами и залпами «катюш», как в «Малаховом кургане» (1944) А.Зархи и И.Хейфица об обороне Севастополя или «Морском батальоне» А.Минкина и А.Файнциммера о защите Ленинграда. Это еще не был «кинематограф генералов», появившийся в конце войны, кинематограф, масштабы которого определялись количеством дивизий и воинскими званиями персонажей и который начался с «Великого перелома» (1945) Ф.Эрмлера — первоначальное название «Генерал армии».

В 1944 году было решено показать на экране все решающие сражения войны в художественно-документальных фильмах. При жизни Сталина успели поставить «Третий удар» (1948) И.Савченко, «Сталинградскую битву» (1949) В.Петрова и «Падение Берлина» (1949) М.Чиаурели. Нынешнему поколению стилистика этого кино известна по киноэпопеям 70-х — 80-х годов — кремлевские кабинеты, Ставка, карикатурный Гитлер, командные пункты маршалов и адмиралов, Черчилль, Рузвельт, Молотов, Гарриман, наступления, переправы, форсирования... За размахом батальных эпизодов не видно человека, за грохотом пиротехнических взрывов — не слышно слов. На крупном плане — дула орудий, маршальские мундиры, военные карты, усталое лицо генералиссимуса, а безликая многотысячная массовка движется по экрану, как по военной карте, осуществляя стратегические замыслы Верховного.

«Документальная» ложь

У кино военных лет мог бы быть камертон, делающий нетерпимой ложь: документальные фильмы, хроника, репортажи с фронта, которые обычно показываются перед игровой картиной. Но двести операторов были посланы в армию с целью фальсифицировать войну: документалисты ставили с солдатами актерские сценки, в которых война выглядела примерно так же, как в картинах ЦОКСа. Крупнейшим мастером инсценировок был Роман Кармен; в 1966 году, в московском Доме кино на вечере, посвященном его 60-летию, показали отрывки из снятых им военных кадров, испортившие юбилей: двадцать лет спустя киноложь стала особенно очевидной.

В 1970 году Г.Чухрай хотел смонтировать документальную ленту о Сталинграде «Память» и потерпел фиаско. Он признался, что о человеческой стороне войны с помощью фильмотечного материала рассказать невозможно: «Военная хроника снимала только с определенной целью: показать, что мы сильны, вооружены, бодры и успешно двигаемся вперед»[4].

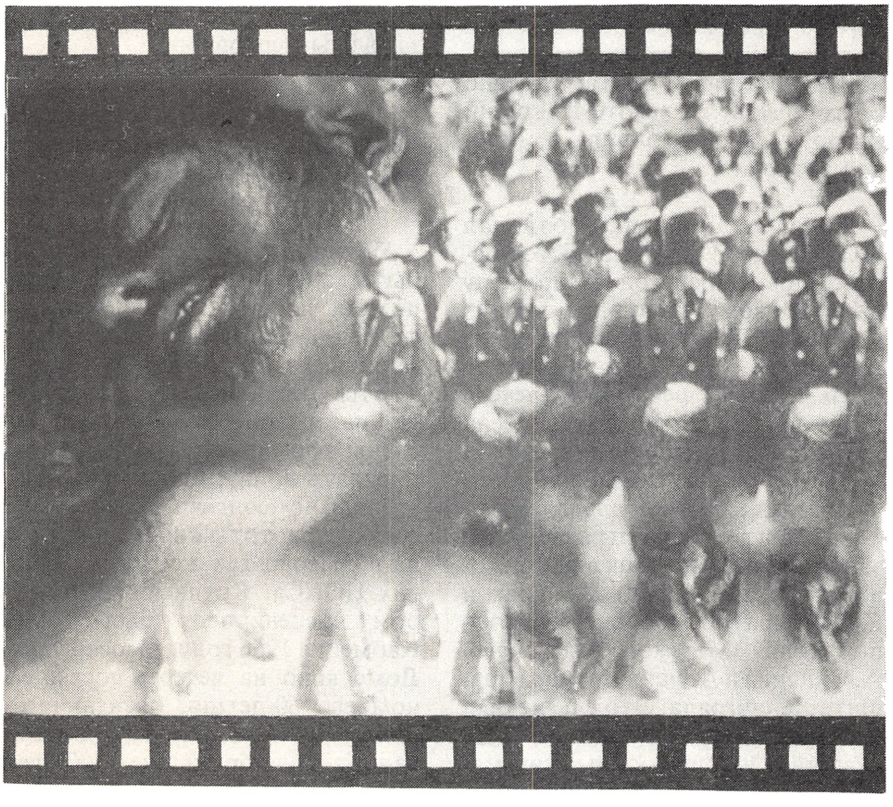
Правда попадала на документальный экран, только когда он показывал нацистские зверства. Но даже сожженная Истра, взорванный Новоиерусалимский →

[2] Л.Н.Толстой. О литературе. М., Гослитиздат, 1955, с. 112, 113.

[3] А.Довженко. Избранное. М., «Искусство», 1957, с. 138.

[4] Экран 1970-1971. М., «Искусство», с. 24.

храм, обезлюдевший Волоколамск в фильме «Разгром немецких войск под Москвой» (1941) дают возможность увидеть и почувствовать то, что двадцать лет до войны и сорок лет после нее изгоняется с экрана — образ подлинной России. Это понял Вс.Вишневский, писавший тогда: «Жестокий натурализм снятых кадров воскрешает Россию в снегах, с санями, бабами, деревнями. Мелькают церкви, городишки, провинции»[5]. Эти кадры дали возможность внимательному зрителю увидеть разницу между подлинной войной и сценками, разыгранными на фронте под режиссерскую команду, — «атаки», «отдыха», «писем домой», или снятыми в зализанных павильонах ЦОКСа: игровое кино повторяло фальшивую хронику. Метод понравился, и в конце войны оба жанра «слили»: постановщиков игровых картин А.Довженко, Ю.Райзмана, А.Зархи, И.Хейфица, С.Юткевича, С.Герасимова, М.Ромма послали на Центральную студию документальных фильмов «клеить» документальные ленты о войне.



Киноправда

После смерти Сталина снимать по-старому стало невозможно, и кино на время вообще отказалось от военной темы — до 1955 года фильмы «про войну» не ставились. Они вернулись на экран вместе с «оттепелью». В 1956 году З.Аграненко снял по сценарию К.Симонова «Бессмертный гарнизон» — об обороне Брестской крепости. Еще не о судьбе людей, а о судьбе гарнизона, но экран впервые назвал трагедию 1941 года своим именем. История — неполная, усеченная, урезанная — все же прорвалась на экран. Первая ласточка весны не сделала — и впоследствии первый период войны возникал на экране редко: в фильме В.Ордынского «У своего порога» (1963), в сделанной А.Столпером экранизации романа К.Симонова «Живые и мертвые» (1964). В этой картине прозвучала, хотя и глухо, еще одна тема — центральный персонаж генерал Серпилин (А.Папанов) перед войной был репрессирован.

Правдивым без оговорок произведением о войне остается фильм режиссера А.Иванова «Солдаты» (1957) по повести В.Некрасова «В окопах Сталинграда». Впервые на экране появились те живые будни смертельной войны, о которых писал Л.Толстой. Советская критика ставит рядом с «Солдатами» «Судьбу человека» (1959) С.Бондарчука по рассказу М.Шолохова. Но в ней рядовой человек возведен на котурны, а достаточно условный военный быт мешает воспринимать историю как подлинную. Герой напоминает монументы Е.Вутечича в берлинском Трептов-парке или на Мамаевом кургане в Сталинграде.

Как ни в одном другом, показана война в фильме А.Тарковского «Иваново детство» (1962) по рассказу В.Богомолова. Она увидена глазами мальчишки-разведчика, одержимого жаждой мести. Поток его сознания, образы несостоявшегося детства продолжают жить на экране и после казни Ивана. Тарковский не претендует на доподлинный показ войны, но в фильме присутствует ее образ, ее острое пронзительное ощущение.

Как присутствует оно в сложных кадрах-воспоминаниях «Дневных звезд» (1966) И.Таланкина по книге О.Бергольц.

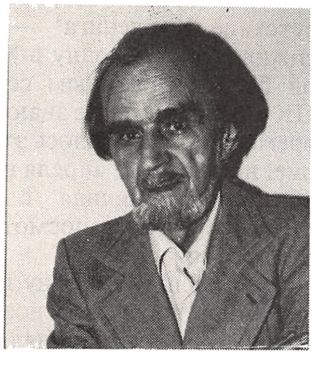
Счастливые дни после смерти самодержца, короткое время междувластия и осуждения предшествующего периода определили подъем советского кино, начавшийся с «Солдат», со стилистически тонких, человечных лент «Летят журавли» (1957) М.Калатозова, «Дом, в котором я живу» (1957) Л.Кулиджанова и Я.Сегеля, «Двух Федоров» (1958) М.Хуциева, с правдивого тылового быта в «Балладе о солдате» (1959) Г.Чухрая. Всей жизненной правды и в них не было, да и не могло быть — но на смену «генеральному кино» и «винтикам» на экран пришли люди. Беседа героев фильма М.Хуциева «Мне двадцать лет» (1963) с отцами, погибшими в войну, когда им тоже было 20, о смысле жизни, о человеческом предназначении, означала, что экран возвращает себе право размышлять, думать. По этой картине и был направлен хрущевский удар, с которого начался погром кинематографа и всего освобождающегося искусства.

Окончание в следующем номере.

[5] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма. М., Гослитиздат, 1954, с.415.

Комитет 05

(Из фронтовых воспоминаний)



Кирилл Косцинский

Кирилл Косцинский (литературный псевдоним Кирилла Владимировича Успенского) — писатель и лингвист. Составитель «Словаря русской ненормативной лексики». С 1978 года и до своей кончины в 1984 году работал в качестве научного сотрудника Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США).

В ту пору я был начальником штаба полка. Мы вели бои за Вену, и в самом разгаре боев, 12 апреля 1945 года, у меня потерялся батальон. Как назло, именно в этот момент командир дивизии, на основании приказа командира корпуса, изменил нам направление: мы должны были свернуть на Запад и выйти в районе Пратера на берег Дуная. Мы вызываем командира пропавшего батальона по радио, он дает свои координаты по карте, но посыльные один за другим возвращаются: не нашли. Впрочем, ничего особо удивительного в этом не было: командир батальона, капитан Мурадян, известный в полку под кличкой «Угробян», славился фантастической безграмотностью. Однажды, двигаясь в головном отряде, он развернул батальон тылом к противнику и обстрелял приближавшиеся главные силы полка. Нечто подобное происходило и сейчас: Мурадян, которому надлежало выйти на левый фланг полка, был неуловим. Командир дивизии уже пригрозил мне отстранением от должности, и я отправился искать его сам, чтобы лично передать приказ.

И вот на углу Кертнерштрассе навстречу мне вылетел, пригнувшись, солдатик. По тому, как он мне козырнул, я понял, что он из моего полка. Я его остановил, спросил, где второй батальон. Он говорит: «Да тут, за углом, первые ворота».

Весьма ускоренным шагом я направился туда: с Кертнерштрассе вели огонь немецкие пулеметы. Когда я оказался в этих воротах, передо мной открылась следующая картина: спиной ко мне в конце проема стоит старший лейтенант Халимоненко, командир второй роты автоматчиков, и пытается выбить патрон, застрявший в его «ТТ». А перед ним, у стенки флигеля, стоят 6 мужчин и женщина, и на земле, в луже крови, лежит человек.

— Что тут происходит? — спросил я. — Кто эти люди?

Халимоненко отвечает:

— Да вот, товарищ подполковник, эти самые кровососы проклятые, вервольфы.

Я поглядел на стоящих: бледные, как известь, все в гражданском, все пожилые. Ничуть не похожи на вервольфов...

— Почему вы считаете, что это вервольфы?

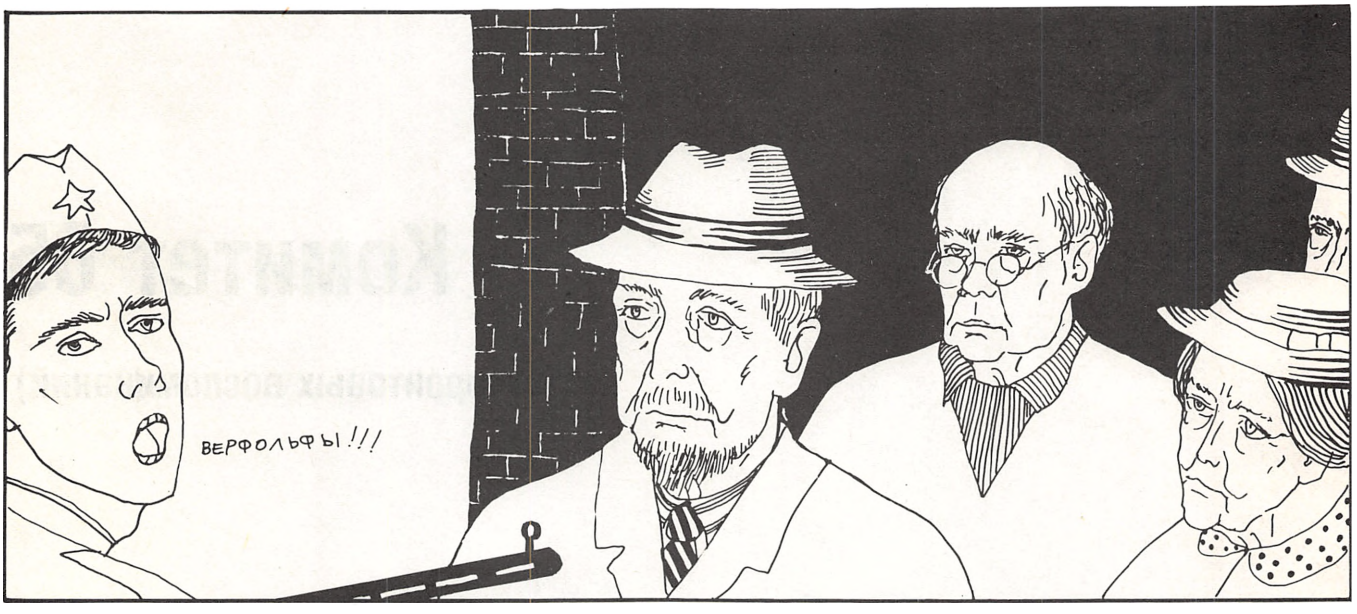
— Да вот, оружие отобрали, — и он показывает мне лежащие на земле дамские пистолеты: один — «бульдог», другой — типа итальянской «беретты». Словом, ничего общего с грозными, вооруженными до зубов вервольфами — «оборотнями», по поводу которых шумела тогда наша пропаганда.

Халимоненко, меж тем, продолжал:

— А когда мы входили в этот двор, они бросились на нас.

Бросились? С этими детскими хлопушками?

— Кто вы такие? — обратился я на своем, весьма несовершен-



ном, немецком к людям у стены. — Как вы здесь оказались?

Услышав немецкую речь, хоть и искаженную, все семеро в один голос заговорили.

— Тихо, — крикнул я. — Говорите вы, — обратился я к ближайшему от меня солидному седобородому человеку в очках.

И он, запинаясь, начал мне объяснять, что они члены Центрального совета движения 05, то есть, движения сопротивления немецкому фашизму, что они заседали, выясняя, как помочь советской армии, что в последнее время у них произошли провалы, массовые аресты...

— Хорошо, а вы кто такой? Как ваше имя?

Он достал из кармана сложенную вчетверо бумажку. В ней говорилось, что доктор Карл Реннер[1] является членом Центрального комитета сопротивления фашизму 05.

Это имя вызвало у меня ассоциации с австрийским марксизмом, с Адлером, Каутским. Не зря я столько лет зубрил марксизм, эту лженауку: имя Карла Реннера, неоднократно поминавшееся в гневных филиппиках Ленина насчет «социал-предателей» и «социал-шовинистов», без труда вставилось в эту обойму.

— И эти люди тоже?.. — я кивнул в сторону остальных.

— Да, мы все члены Центрального комитета. У нас было заседание... — И он представил мне остальных: здесь были социал-демократы, коммунисты, члены каких-то аграрных союзов и христианско-демократической партии. Разбираться мне с ними было некогда, и я отправил их в сопровождении ординарца в их квартиру, а сам занялся с Мурадяном.

Пока я ставил ему задачу, пока проверял, правильно ли он проложил по карте маршрут, прошло, вероятно, не меньше часа. Затем я поднялся в квартиру, где ждали меня австрийцы. Из разговора с ними мне удалось реконструировать картину происшедшего. За месяц-полтора до начала боев за Вену австрийское движение сопротивления, до того слабое и раздробленное, сумело создать разветвленную организацию в немецких войсках, расположенных на территории Австрии, и стало готовить восстание, чтобы помочь советским войскам из осажденного города и предотвратить его разрушение и лишние жертвы. Однако к тому моменту, когда 3-й Украинский фронт начал бои на ближайших подступах к Вене, гестапо арестовало главных руководителей восстания, и несколько человек были казнены. Накануне событий, о которых я рассказываю, Центральный комитет сопротивления собрался на квартире одного из его членов (им оказался представитель компартии Австрии Фридль Фюрнберг[2]: в отсутствие Копленига[3] — тот отсиживался всю войну в Москве — он был генеральным секретарем ЦК компартии). Не знаю, сколько времени продолжалось это заседание, но утром 12 апреля в комнату вбежала горничная с криком: «Русские здесь, посмотрите во двор».

Все бросились к окну и увидели снующих внизу красноармейцев. Не думая, не размышляя, охваченные желанием побыстрее обнять долгожданных освободителей, участники заседания немедленно бросились вниз и выбежали во двор.

Можно понять и тех солдат, в объятия которых они попали: все жители Вены, спасаясь от бомб и снарядов, попрятались в глубокие бункеры и выходили лишь тогда, когда смолкал шум ближнего боя. А тут — неведомо откуда появляется группа немцев (для солдат австрийцы, конечно же, были немцами), что-то кричат, машут руками...

Я поверил в искренность рассказанного и достоверность показанных бумажек. Но начальник штаба полка — фигура слишком мелкая, чтобы принимать ответственные решения такого масштаба.

[1] Карл Реннер (1870-1950) — один из лидеров австрийской социал-демократии. В 1945 г. глава Временного правительства, с декабря 1945 по 1950 гг. — президент Австрийской республики.

[2] Фридль Фюрнберг (1902-1978) — деятель австрийского и международного рабочего движения, работник Коминтерна. В 1972 г. награжден орденом Октябрьской революции.

[3] Иоганн Копленig (1891-1968) в 1924-1945 гг. — генеральный секретарь ЦК КПА.

Поэтому, как только к батальону подтянули проводную связь, я доложил обо всем случившемся командиру дивизии. И через полчаса приехал начальник политотдела дивизии, полковник Черенков, — один из редких случаев, когда политработником был по-настоящему умный и порядочный человек. Они приехал с дивизионным переводчиком Долинским, который позднее стал профессором Московского университета. Все данные как-то очень быстро подтвердились, и позднее, уже в ходе боя, я увидел, как подошли четыре «виллиса» и австрийцев увезли — сначала в штаб армии, затем в штаб фронта, к Желтову. Это было 12 апреля, а 22 апреля «Правда», «Известия», да, по-видимому, и вся мировая пресса объявили о формировании австрийского временного правительства, канцлером которого стал Карл Реннер. Вошли в состав правительства еще двое из тех бедолаг, что стояли тогда у стены, перед старшим лейтенантом Халимоненко.

В тот же день, а может, 13 апреля, бои за Вену закончились, и мы получили сообщение, что нашей дивизии предоставляется трехдневный отдых в Вене. Надо было пройти пешком через степи, болота, форсировать реки, горные перевалы, пройти тысячи километров с боем, с потом, с кровью, с голодом, чтобы получить три дня отдыха не где-нибудь, а в огромном городе, в роскошной Вене. Все были в восторге, я тоже. По всему городу грабили магазины и квартиры, насиловали женщин. Какие-то шутники разожгли костер в здании Музея истории культуры — ночи стояли еще холодные. К счастью, картины были куда-то убраны. Позднее, года через полтора, уже живя в Вене и пользуясь Дворцовой библиотекой, проходя ее подземными переходами, я часто удивлялся, как это не устроили костра из книжек, инкунабул, библии Гутенберга или еще чего-нибудь в этом роде...

Ход мыслей солдат был элементарно прост: едва мы пересекли границы Румынии, Верховное командование отдало приказ, разрешающий солдатам и офицерам отправлять домой посылки с трофеями. И вот, трофеями становилось все, что могло влезть в посылку. Я видел разграбленные магазины, выносимые из квартир чемоданы и мешки, картины и скульптуры. В тот день я впервые испытал ощущение, позднее так точно определенное Солженицыным: «Стыдно быть советским».

Под вечер полковник Черенков сообщил мне, что моих «крестников» отправили к генерал-майору Шепилову, члену Военного совета 4-й гвардейской армии (тому самому Шепилову, который почти полтора десятилетия спустя вместе с Молотовым и Кагановичем будет изгнан Хрущевым из ЦК).

— Ну, брат, — сказал мне на прощание Черенков, — выудили мы с тобой крупную рыбку, ждут нас большие ордена.

А еще через полтора часа в штаб полка поступил приказ: немедленно сниматься и выступать вниз по Дунаю. Ну что ж, собираться — так собираться...

И вот уже полк выстроен, уже снята вся связь с батальоном, уже последняя ниточка от меня тянется к дивизии, и вдруг — дежурный телефонист: «Товарищ подполковник, вас третий вызывает».

«Третий» было кодовым позывным полковника Черенкова.

Я не рискую цитировать, что он мне говорил: в течение нескольких минут это был сплошной поток изощренной матерщины. Всякий раз, когда я пытался его спросить: «Третий, да в чем же дело?», — я генерировал этим новый поток густой насыщенной брани. Наконец, стали прорываться отдельные осмысленные слова: «часовой... где часовой?.. квартира...» Затем выкристаллизовалась основная мысль: почему я не поставил часового на той квартире, где собирался этот Центральный комитет? Там оставались две женщины. Но как я мог оставить там часового? Приказ командира дивизии, командира корпуса: все боеспособные люди на линии огня, ни одного в тылу, ни одного лишнего человека. Я и ушел со своими солдатами. А в это время продвинулись тылы какой-то новой части, солдатики побежали за боевыми трофеями по всем квартирам, и среди боевых трофеев обнаружили двух молодых привлекательных женщин. Что там было, я не знаю, но, видимо, что-то ужасное, потому что Фюрнберг донес об этом в штаб дивизии, и Малиновский, командующий фронтом, отдал приказ найти гада, который это сделал, а тех, кто не поставил часового, наказать. То есть, вместо обещанных орденов нам с Черенковым светило теперь наказание. Но потом это дело как-то забылось, и все обошлось.

Я вполне понимал, что этот эпизод не нашел отражения в советской истории войны и венского периода. Кстати, во вступительной статье к сборнику «Погибли за Австрию», изданному «Прогрессом» в 1974 году, утверждается, что комитет 05 был глубоко законспирированной, буржуазно-католической организацией. Но попав через тридцать три года в Вену, — уже в качестве эмигранта — я был уверен, что найду что-нибудь в работах австрийских историков. По советской официальной версии и по признаваемой австрийской, Карл Реннер вышел на свидание с советскими войсками и впервые встретился с ними не 12 апреля, а 2-го, и не в Вене, а где-то в южных районах Каринтии, встретился с какой-то другой, неизвестной мне дивизией, вел переговоры с представителями советского командования в Бадене, в своей квартире, и приехал в Вену уже после объявления его канцлером австрийского правительства.

Когда я разговаривал на эту тему с австрийскими историками, они утверждали, что всего, о чем здесь рассказано, не было и быть не могло. Они ссылались на даты — 2 апреля, а не 12. Затем они говорили, что сразу после аншлюсса Реннер признал гитлеровцев, сотрудничал с ними, хотя и пассивно, никаким репрессиям со стороны немцев не подвергался, и более того, он был таким трусом, что никогда бы не рискнул вступить в этот центральный комитет 05. Но я видел его и разговаривал с ним, видел его документы, никаких сомнений они не вызвали ни у меня, ни в штабе дивизии, а затем в штабе армии и фронта. Позднее я видел его фотографии в газетах, особенно часто они публиковались после первых выборов в парламент в ноябре 1945 года. И у меня нет ни малейших сомнений в том, что в данном случае я прав, а они — неправы.

Я пытался докопаться до сути, связаться с возможными свидете-

лями, с семьей Реннера, с его бывшими секретарями. Мне много помогла в этом дочка Копленига — она переводчица с русского, переводила Солженицына. Она попыталась связать меня с сыном и дочерью Фюрнберга, но из этого ничего не вышло: они не хотели встречаться с эмигрантом, поскольку были истовыми коммунистами. И в конце концов, анализируя ситуацию, мы пришли к выводу, что, очевидно, этот восьмой член Комитета, убитый моими солдатами, был какой-то значительной фигурой: может, австриец, принадлежавший к одной из этих партий, может, союзник — американец или англичанин, и сообщить о том, что его убили советские солдаты уже фактически после освобождения Вены, было крайне неловко. Видимо, лицам, которые вели переговоры с советской стороной, порекомендовали не упоминать об этой смерти. В то время Вена уже была наводнена чекистами, смершевцами, их присутствие ощущалось в течение многих лет, и постепенно эта легенда так и прижилась.

От редакции: В архиве Кирилла Косцинского (псевдоним К.В.Успенского) мы обнаружили письмо, полученное им от фронтового товарища накануне эмиграции и имеющее непосредственное отношение к описанным здесь событиям. Позволим себе привести отрывок из него, сохраняя орфографию подлинника:

«...Будешь в Вене, передай ей привет от меня. Если будите иметь свободное время в г. Вена, зайдите в венский театр. Мы ведь вели бой за него. Вы безусловно помните, как тов. Фриц накрыл нас артогнем, только провода трамвайные посыпались, а мы вбежали в дом против театра. Когда артобстрел прекратился, мы вышли во двор. Наши солдаты вышебли из руки Ренера пистолет, с ним еще было два человека. Когда Вы с ними заговорили они кинулись к вам. Если бы Вы не появились, я не знаю, что было бы с этим Ренером. Вобщем Вы позвонили в штадив, а они дальше и к нам в скором времени прибыл Член военного совета генерал Шипилов и увез их в штаб армии, а впоследствии этот Ренер оказался президентом Австрии.

В конечном итоге он был на стороне американцев. Я потом думал, вот нелегкая вынесла этого Успенского и не дал солдатам поговорить с ним на солдатском языке...». ■

Москва, Кремль.

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Мудрость партии: диалектика

«Процесс отмирания социалистического государства начинается с момента его возникновения. Но отмирание идет одновременно с укреплением государственных органов и государственного управления, т.е. этот процесс диалектически противоречив: отмирание через усиление».

(Н.А.Фелифоров. Принцип демократического централизма в развитом социалистическом обществе. М., «Мысль», 1981, с. 169)

В семье не без урода

«...в одном из районов Смоленской области коммунисты... сочли нужным поведать, как их новый первый секретарь райкома не поселился в особняке, а живет с семьей в заводском доме. И жена секретаря бегает в городские магазины».

(«Советская Россия», 23.12.1984)

«Если завтра война...»

Елена Гессен

Елена Гессен — литературный критик и переводчик. Автор многих статей о советской и западноевропейской литературе. С 1981 года живет в США.

Не надо быть ни литературным критиком, ни пророком, чтобы предсказать, что нынешний год — год сорокалетия войны-победы над фашизмом — станет для советской литературы рекордным по количеству произведений, посвященных войне. Но на исходе орвелловского 1984 года в толстых журналах появились произведения, связанные с военной тематикой, однако, относящиеся не к жанру исторической или мемуарной литературы, а, скорее, к «литературе предупреждения» — к этому жанру советское литературоведение причисляет и знаменитый роман Орвелла, упоминания о котором в связи с датой впервые за много лет замелькали на страницах советской печати. Ситуация, в сущности, довольно абсурдная: социологи, политологи, литературоведы в своих рассуждениях о «загнивающем» Западе ссылаются на роман Орвелла, неизвестный советскому массовому читателю, — в СССР перевод не издавался. Зато произведения, о которых пойдет речь дальше, с поразительной наглядностью демонстрируют плоды работы «Министерства правды» — совсем по Орвеллу.

О чем сообщают последние известия

Повесть Давида Константиновского «Слушая последние известия» («Дружба народов», №10, 1984) начинается с цитат из газет разных лет: 1961, 1962, 1979, 1980 годы. Общее в этих цитатах тема: все они о том, как едва не началась война — разумеется, по вине Пентагона: «один опрометчивый шаг, и мир может быть ввергнут в ужасы ядерной катастрофы», «в течение шести минут фактически начала разворачиваться война». Так, на тревожно-напряженной ноте, начинается повесть. На ее протяжении все герои — и главные, и второстепенные — будут много раз слушать радио, и ничего утешительного оно им не сообщит.

В повести описаны сутки из жизни рабочего Алексея Малькова. Сутки не совсем обычные: в этот день герой получает повестку на военные сборы. Событие, в общем, довольно заурядное: любой советский мужчина призывного возраста, состоящий на военном учете, раз в несколько лет — или даже раз в год — проводит какое-то время на военной учебе или сборах. Но в контексте повести эта невинная в мирное время бумажка вырастает до угрожающих размеров, едва ли не превращаясь в мобилизационное предписание военной поры. Герой почему-то обнаруживает повестку на столе начальника цеха — хотя обыкновенно она приходит по домашнему адресу, — а читает он ее под последние известия, льющиеся из транзистора:

«"Президент подчеркнул, что своей задачей номер один считает скорейшую модернизацию стратегического ядерного потенциала Соединенных Штатов».

...«Команда № литер ВУС № ... Сержанту Запаса Малькову Алек-

сею Николаевичу... ПОВЕСТКА». Я взял ее в руки.

«...настаивал, в частности, на срочном выполнении программ создания и развертывания межконтинентальных баллистических ракет МХ», — говорил диктор.

«Приказываю вам явиться через три часа с момента вручения повестки по адресу...» — читал я.

«...а также новой стратегической ракетной системы «Миджитмен», стратегических бомбардировщиков «В-1» и ядерных подводных лодок «Трайдент», — говорил диктор.

«Имея при себе документы и вещи, указанные на обороте», — читал я».

Зловещая повестка нарушает привычное течение рабочей жизни героя, хотя и нельзя сказать, что она отрывает его от «мирного труда»: потому что работает Мальков, как говорится, «на войну». Работа, конечно, довольно секретная, но герой с доверительной кокетливостью сообщает читателю: «Есть такие летающие штучки. Знаете. Чем их начиняют — тоже не новость». Коллеги Малькова, обсуждая свои рабочие дела, говорят о том, что все силы сейчас отданы вооружению. «Что-то и для мирных целей пригождается», — робко вставляет единственная в их сердце женщина. А слышит в ответ: «Ерунда. Очень мало. Это все разговоры. На военной тематике сидит каждый четвертый разработчик в мире».

Ощупывая почти невесомый клочок бумаги, резко разделивший его жизнь на две половины, герой рассуждает: «В другое время это была бы только повестка. На сборы, на месяц, на два. Спокойно все равно не было бы: разлука, проводы, да и дело-то военное, так что тревог и слез не миновать. Но теперь еще эти известия, которые шли день за днем, день за днем».

Подготовленный таким образом читатель уже нисколько не удивляется, когда придя на сборный пункт, герой застает там напряженно застывшую в молчании толпу: «почти полная тишина, никто не говорил ни слова», «покрасневшие глаза женщин, их напряженные лица», дети, цепляющиеся за материны юбки... На несколько секунд, читая описание этого школьного двора, автору начинаешь верить (хотя само по себе это описание чрезмерно литературное или, скорее, кинематографическое: в памяти всплывает сцена отправки на фронт из «Летят журавли»). Ведь действительно в Афганистане гибнут советские солдаты. Впрочем, автор — вероятно, испугавшись «неконтролируемого подтекста», — тут же подводит под всё это солидную базу, замешанную на семейной истории и жизни героя. «Мальковы с войной накоротке», — заявляет он, иллюстрируя это утверждение рассказом о возвращении отца с фронта, о психической травме, полученной тогда самим героем: это вроде бы причина того, что он не может стать отцом. Меж тем,

«Еще до войны страна начинает жить по законам военного времени. Еще до войны все измеряется войной, все оправдывается войной».

именно в день получения повестки возлюбленная героя, в согласии с канонами дурной беллетристики, сообщает ему, что у них будет ребенок.

Но и этого мало: наш герой, отслужив больше 20 лет назад срочную в бронетанковых войсках, занялся поисками всевозможных сведений о войнах, когда-либо бывших на протяжении истории человечества. Такое у него было хобби. Результатами своих изысканий — естественно, весьма выразительными — он делится с читателем, приводя статистику погибших, подсчитывая запасы ядерного топлива на Земле и расходы на вооружение. Можно заметить, что все эти данные уместны скорее в газетной публицистике, но ведь повесть Константиновского и есть облаченная в псевдохудожественную форму газетная статья. Кроме статистики, героя интересуют еще и причины возникновения войн, и он ищет их в самых разных книгах, начиная с XVII века. Разумеется, ответ на все «проклятые вопросы» он в конце концов находит у Ленина: «Читал, что войны бывают справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, служащие закреплению гнета или его свержению. Читал, что революция тогда только чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Что нужна крепкая армия, чтобы быть непобедимыми». А самое главное, что крепко западает в душу героя, что он запоминает наизусть, это ленинские слова: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал». Герой даже специально лезет в словарь, где обнаруживает, что идеал — это «высшая цель деятельности, стремлений». И рассуждает: «Высшая цель... Пока мы не можем достичь ее, не применяя оружия защиты. К сожалению, за мир нынче нужно воевать. Воевать против войны. Иногда — с оружием в руках. Вот такая защита. Мы должны быть последовательны. Это наш долг, прошедших не через одну войну. Мой долг. Сегодня это — повестка, люди, собравшиеся во дворе школы. Выполнить свой долг. Перед отечеством, перед своим народом, советским народом. Перед человечеством. Которое живет сегодня, которое придет вслед за нами».

Вот, оказывается, зачем вызвали Алексея Николаевича: «воевать против войны».

Впрочем, доведя напряжение до высшей точки, поставив под угрозу жизнь будущего ребенка героя (его возлюбленная от треволнений дня попадает в больницу), заставив Малькова-отца просидеть на дожде несколько часов у школьного двора, чтобы лишний раз проститься с сыном (да не на войну ли он в самом деле собирается?), автор постепенно спускает напряжение на тормозах (которые, кстати, не работают на «Москвиче» героя, что нисколько не мешает ему с бешеной скоростью носиться по дорогам вместе с беременной возлюбленной и больным отцом). Малькова отпускают с призывного пункта — по звонку с завода: очевидно, начинять «летающие штучки» сейчас важнее, чем «воевать против войны». Заключительный эпизод: герой едет в машине с отцом и невестой, а мрачные последние из-

вестия наконец-то уступают место сообщениям о погоде, которые читает «безмятежный родниковый голос».

Нагнетание страха

Название поэмы Игоря Шкляровского «Слово о мире» («Юность» №10, 1984) вызывает ассоциацию с миром в значении «отсутствие войны». Однако поэт имеет в виду мир как земной шар. С точки зрения первого толкования, его поэму точнее было бы назвать «словом о войне», ибо задача Шкляровского — показать ужасы ядерной войны во всей их наготе. Кстати, можно вспомнить, что, когда по решению Всемирного совета мира американский фильм «На берегу» был рекомендован к обязательному просмотру во всех странах, советские власти сочли его слишком откровенным и пугающим. Фильм тихо, без всякой рекламы, прошел по клубам и периферийным кинотеатрам и был очень быстро снят. Но это было 20 лет назад, с тех пор нервы у советских людей, очевидно, стали крепче, и поэтому страхи, изображемые Шкляревским, не вызовут кошмаров и бессонных ночей.

Пересказывать стихи — занятие в высшей степени неблагодарное. Однако в данном случае это не представляется слишком предосудительным, поскольку произведение Шкляревского лишь с очень большой натяжкой можно отнести к поэтическому жанру. А его обнаженная публицистичность вполне оправдывает попытку изложения поэмы в бедных строках рецензии.

Итак, «Слово о мире» — размышление о том, что произойдет с земным шаром, если на него обрушится ядерная война. Плохо будет всем — и поэт по очереди обращается к разным странам мира, предугадывая их судьбы в будущей войне. В Африке «установится полярная ночь, и померзнут бананы, околеют от холода львы, и деревья кофейные обледенеют. Как тифозные волосы, вылезет зелень». В «любимой с детства» Канаде все будет наоборот: «выгорит слой озона, — и солнце тебя сожжет. Снимет скальп от Великих озер до Юкона». Швейцария, которая «для сограждан своих» тайно готовит «бетонные норы», напрасно надеется на убежища:

Думаешь, норы спасут —
с прочным запасом сыра и хлеба?
А куда ты запрячешь небо?

Норы не спасут, и запасливым швейцарцам «придется попить молока со стронцием», а «у крепких швейцарок покроются язвами груди». Заодно автор пытается предостеречь западноевропейские страны от размещения американских ракет на их земле. Обращаясь к Англии, он восклицает:

за чужие ракеты
зачем тебе кровные беды?

Его тревожит судьба Италии:

Ведь разумнее даже
солярку хранить в Эрмитаже
или в Лувре бензин...
И зачем тебе сигнализация
в галереях Уффици,
если все украдет радиация?

А главный виновник всех нынешних и особенно будущих бед человечества — разумеется, Америка. К ней обращает поэт свой гнев, в разговоре с Америкой тон его особенно фамильярен:

Слушай, Америка, правду свою:
мир уже на краю.
Для двухсот тридцати миллионов
не хватит бетонной утробы,
если падать начнут небоскребы.
Воображения, что ли,
тебе не хватает?

Постепенно Америка становится главным собеседником автора, к ней он обращается настойчивее и чаще, чем к прочим странам:

Америка, ты богатая,
На бабах ты не пахала,
не воевала ты на своей земле,
наше горе твоим не измеришь.
Сегодня ты все имеешь,
только — воображения хочу тебе
пожелать:
нас не будет, и вам не бывать.

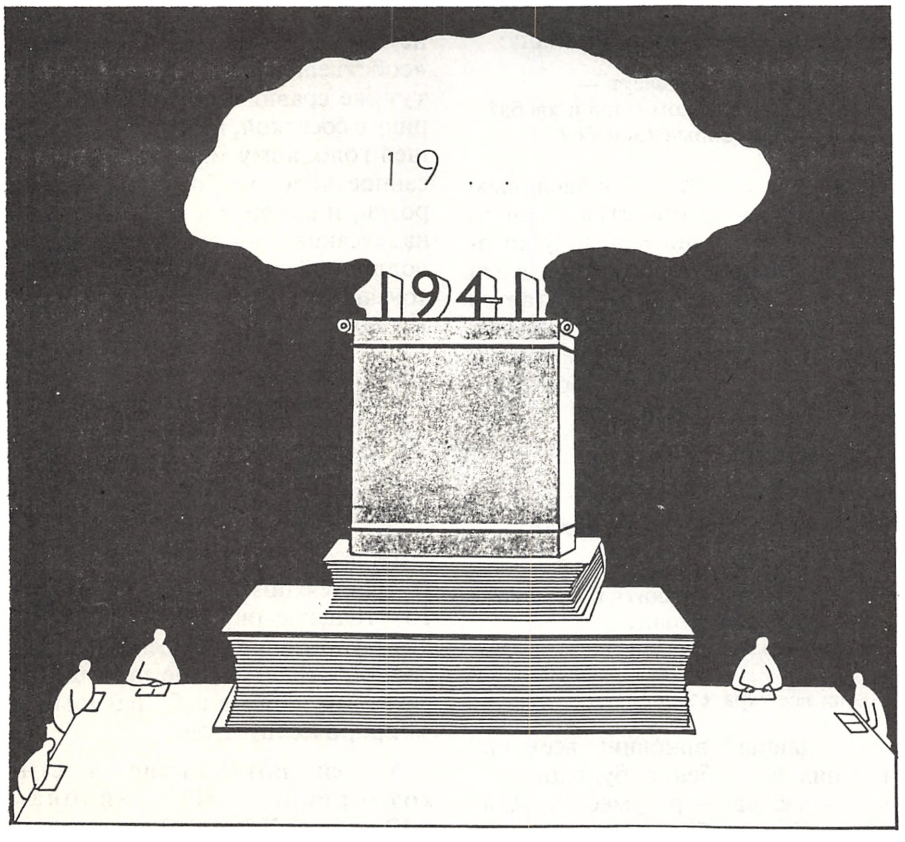
Впрочем, в отношении поэта к Америке не все окрашено в безысходно черный цвет. Он вспоминает себя мальчишкой-заморышем в сыром подвале разбомбленного города, голодным, оборванным, с чернеющим легким. И тогда, в тот страшный послеоккупационный год, «с неба в подвал могилевской руины спустился твой хлеб». Американские посылки по лендлизу спасли будущего поэта от смерти — казалось бы, есть за что сказать спасибо далекой стране Америке. Но нет, у советских «собственная гордость»: автор тут же сравнивает богатую Америку с соседкой, некогда подсунувшей голодному мальчишке надкусанное яблоко. Помощь помощи рознь, и американская помощь — надкусанная? — ставится рядом с подлинной, советской. Сравнение, конечно же, не в пользу «далекой тетки» Америки:

Мы ведь не бесимся с жира.
Мы ведь взаправду для мира
все половиним, что есть.
Молча, без сытой отрыжки.
Ведь не великая честь —
братьям подсунуть излишки.

«Ничто не утешит меня», — сокрушается поэт. Впрочем, какое-то утешение он, вероятно, находит в упоминании о военной мощи родной страны: «еще пригодятся ракеты и полные неба радары...» — пророчествует он.

Андрей Вознесенский в стихотворении «Из Байрона» («Юность», №9, 1984) занимается любопытным синтезом: здесь, наряду с собственно авторским текстом, приведены фрагменты из его перевода стихотворения Байрона «Тьма». В свое время это стихотворение, где изображается опустевшая земля, обратившаяся в пустыню льда и вечного холода, перевел Тургенев. Перевод Вознесенского так же отличается от перевода русского классика, как XX век — от века XIX. Начать с того, что название он переводит как «Ядерная зима». Этому есть объяснение: в подстраничном примечании рассказано о расчетах физика С.П.Капицы, по которым после взрыва одной трети ядерных запасов наступит похолодание. Это явление и называется «ядерная зима». В своем выступлении на международном форуме Капица сослался на стихотворение Байрона как на гениальное провидение. В стихотворении Вознесенского фрагменты перевода, страшные картины опустевшей земли, собственные рассуждения переплетаются с голой публицистикой à la Шкляревский:

С.П.Капица на телемосту
кричал в глухонемую пустоту:
«От трети бомб — вы все сошли
с ума —
наступит ядерная зима.



Уйдут под снег Миссури и Версаль,
Да сгинет мысль по имени "missile"
Погубит климат ядерный вулкан...
Его поддерживает Саган.
Эд Теллер, апатичный оппонент,
по телефону возражает «нет».

Как видим, ход рассуждений все тот же: «сгинуть» должна мысль по имени "missile", с мыслью по имени «ракета», очевидно, все в порядке.

«У нас один враг — США. И мы ему не уступим», — иронически комментирует публицист Лев Тимофеев*, живущий в СССР и печатающийся на Западе. В статье «Последняя надежда выжить» («Время и мы», № 75-77), рассуждая о подавлении общественного мнения, о целенаправленном оглуплении народного сознания, он пишет: «Опасность войны становится основой политической доктрины. Сильнее и не придумать аргумента в пользу правящей силы, в пользу чрезвычайного правопорядка, в пользу сохранения внутриполитического статус-кво или даже в пользу ужесточения внутренней политики.

Родина в опасности. Время ли тут говорить о либеральных реформах? Мысль о социально-экономическом движении, развитии, изменении отодвигается на второй план. Еще до войны страна начинает жить по законам военного времени. Еще до войны все измеряется войной, все о п р а в д ы в а е т с я войной».

На наших глазах рождается новая мифология, мифы ядерного века заступают место мифов минувшей войны, которые долгие годы были доминантой народного сознания. Реальные лишения, жертвы, страдания служили оправданием затянувшейся бедности, бесхозяйственности, неразберихи. Сколько раз, в самых обычных обстоятельствах каждодневного быта, перед пустым прилавком в магазине, в длиннющей очереди за апельсинами, шлепая по осенней грязи, оставленной строителями новостроек, мы слышали произносимое то со вздохом, то с напускной бодростью: «в войну хуже было, и ничего, выжили...» Но любые, самые убедительные мифы ветшают со временем, жизнь, как известно, придумывает «новые песни», и вот появляется новая доминанта: в ту войну было плохо, в эту — будет несравненно хуже... ■

* Совсем недавно получено известие из СССР о его аресте.

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Но Тютчев не просил советские газеты!

«Умирающий Тютчев попросил свежие газеты. А я знаю писателей, которые демонстративно не читают периодику, — только, видите ли, Гомера или Байрона».

(Р.Солнцев — «Советская Россия», 1.3.1985)

Откуда же тогда берутся дети?

«Еще не редки случаи, когда супружеские пары (и уже с детьми) вынуждены разлучаться каждый вечер: он — в мужское общежитие, она — в женское».

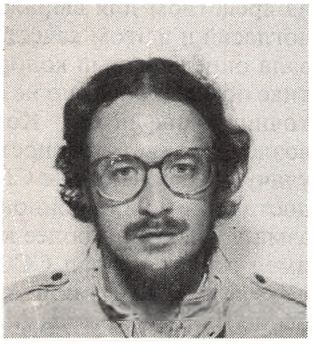
(«Советская Россия», 16.10.1984)

Сбежать не удалось никому...

«Вечером, накануне отлета из ФРГ, я зашел в гостиничный номер к ребятам. Настроив радиоприемник, они слушали далекую Москву. Голос диктора через тысячи километров нес правду о новых мирных инициативах Советского правительства... Повлажнели глаза девчат, сосредоточенно молчали парни».

(Журнал «Дон», 1984, №5)

Перспективы советско-китайских отношений



Дэн Л.Строуд

Дэн Строуд — выпускник Гарвардского университета, специалист по советской внешней политике, работал для департамента торговли США и для Национального института по изучению государственной политики. В настоящее время готовит докторскую диссертацию.

Статья Дэна Л.Строуда была написана несколько месяцев тому назад. С того времени произошли некоторые события. В декабре 1984 года Пекин посетил кандидат в члены Политбюро и первый заместитель председателя Совета министров СССР И.В.Архипов. Был подписан ряд торговых и экономических соглашений. В марте 1985 года новый генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев высказал пожелание об улучшении советско-китайских отношений. В апреле с.г. Вьетнам заявил о намерении вывести свои войска из Камбоджи — одно из главных условий Китая для урегулирования отношений с СССР.

Смерть Леонида Брежнева и последовавшее за ней избрание Юрия Андропова на пост генерального секретаря ЦК КПСС породили у многих западных наблюдателей надежды на существенные перемены в советской политике, в том числе на изменения в отношениях с Китайской Народной Республикой. Однако прошло два года и сменился еще один генеральный секретарь, а никаких крупных дипломатических побед в китайско-советских отношениях нет и вряд ли они предвидятся в недалеком будущем, несмотря на недавнюю беседу Громыко с министром иностранных дел Китая У Сюэцянем.

Кому что выгодно

Следовательно, настало время задать два взаимосвязанных вопроса: каковы основные трудности, мешающие улучшению отношений между Советским Союзом и Китаем, и почему многие западные наблюдатели так обостренно отреагировали на начало переговоров между двумя коммунистическими гигантами в октябре 1982 года и на советско-китайские контакты на высшем уровне во время похорон Брежнева?

На последний вопрос ответить проще. И у Советского Союза, и у Китая есть свои причины для того, чтобы преувеличивать перспективы улучшения отношений. Угрожая улучшить связи с Советским Союзом, Китай получил мощный рычаг в своих делах с администрацией Рейгана — таких, как продажа США оружия Тайваню, ввоз техники и импорт китайских тканей. Китай получил также оружие против своего главного противника в Юго-Восточной Азии — Вьетнама. После своего вторжения в Кампучию в конце 1978 года Вьетнам страдает от дипломатической изоляции в сообществе азиатских стран. Эта изоляция, правда, уравновешивалась солидной экономической, политической и военной поддержкой советского блока. Для независимо мыслящих руководителей в Ханое это подразумевало нежелательную степень зависимости от иностранной державы. Однако они не могли позволить себе поставить под удар отношения с советским блоком и вопреки желаниям КНР завершили захват Индокитая. Поэтому в Ханое, должно быть, с подозрением смотрят на перспективы китайско-советского сближения. Намекая на возможность такого сближения, китайцы надеялись

вбить клин между Вьетнамом и Советским Союзом.

У Советского Союза тоже были свои причины преувеличивать значение возобновления переговоров с Пекином. Намекая на возможность улучшения связей с КНР, советское руководство надеялось показать рейгановской администрации, что у него имеется достаточно альтернатив, если США откажутся и дальше играть в разрядку 70-х годов. За несколько недель до смерти Брежнев сказал на совещании военачальников в Кремле, что плохие отношения с Соединенными Штатами заставили Советский Союз возобновить усилия по улучшению отношений с Китаем:

«В этой обстановке очень важно, конечно, как будут складываться наши отношения с другими странами. Немалое значение имеют отношения с Китаем. (...) Пока не видно принципиальных перемен во внешнеполитическом курсе КНР. Однако новые моменты, которые появляются, мы не должны игнорировать»[1].

Относительный оптимизм Брежнева по поводу китайской политики и возможности улучшения отношений между двумя странами был подхвачен представителями советской иерархии, которые обычно ассоциируются с политикой в отношении Запада — Арбатовым, Бовиным и пр. С другой стороны, советские специалисты по Азии были гораздо сдержаннее в суждениях о мотивах этих «перемен», которые видели, как им казалось, Брежнев и другие. Это говорит о том, что гласность, которой было предано возобновление переговоров с КНР, была преувеличена, по меньшей мере, отчасти, желанием произвести впечатление на западное общественное мнение. Когда в апреле 1984 года китайское руководство оказало сердечный, хотя и сдержанный прием Рейгану, советское отношение к КНР явно стало жестче. Две недели спустя, всего за день до назначенной даты, советская сторона отменила визит в Пекин первого заместителя председателя Совета министров Ивана Архипова.

[1] «Правда», 28 октября 1982.

Таким образом, тенденция многих западных обозревателей преувеличивать значение возобновления китайско-советских переговоров («политических консультаций») отчасти является желанным следствием политики и КНР и Советского Союза. Неумение распознать скрытые мотивы обоих коммунистических гигантов привело к ошибочным оценкам степени, в которой Советский Союз и Китай на деле изменили свои прежние позиции.

Более существенным является преувеличение вероятности крупных перемен в китайско-советских отношениях, отражающее непонимание реальной ситуации. Многие годы советская и китайская

Соперничество СССР и Китая в борьбе за роль ведущей державы региона ограничивает их способности к улучшению отношений.

стороны выражали свои разногласия в терминах идеологии, и поэтому на Западе весьма распространено мнение, будто в основе враждебности между Китаем и СССР лежат идеологические расхождения. Однако после смерти Мао и последовавшего за ней пересмотра внутренней политики коммунистической партии Китая (КПК) эти идеологические разногласия во многом утратили свою убедительность. Когда идеологический конфликт был приглушен, серьезных препятствий к улучшению отношений как будто не осталось. Смерть Брежнева, по общему мнению, представляла хорошую возможность восстановить нормальные отношения, которые стали реальными благодаря упразднению идеологической проблемы. Прекращение враждебной полемики осенью 1982 года и возобновление регулярных переговоров делали эту точку зрения еще более правдоподобной.

Недостаток подобного анализа положения дел — в его поверхности, в неумении проникнуть за фасад идеологической и дипломатической видимости. Прежде всего, устранение Хрущева в 1964 году и смерть Мао в 1976 году не привели к улучшению китайско-советских отношений, хотя, как и после смерти Брежнева, в обоих случаях наступало перемирие в полемической войне и предпринимались определеннные дипломатические попытки прощупать намерения другой стороны. Ясно, что корни враждебности между Китаем и СССР не в том, кто руководит страной, они лежат глубже.

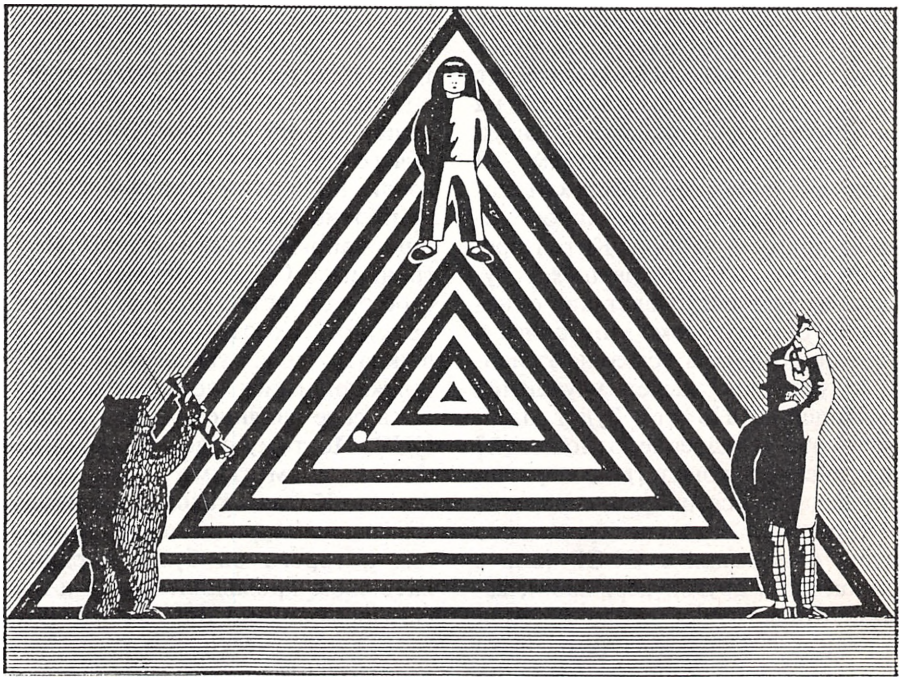
Идеологическое прикрытие

Точно так же и идеология никогда не была причиной этой враждебности. Она просто служила средством для выражения разногласий и в этом качестве придавала определенный колорит политике обеих сторон, но не она — источник конфликта. Когда Мао возлагал ответственность за неудачу конфронтации с США на недостаток революционного энтузиазма у СССР, он более конкретно имел в виду провал СССР в поддержке целей Китая в Азии. Особенно был раздражен Мао, когда Советский Союз не поддержал Китай во время инцидентов вокруг Тайваня в 1958 году**. Сталинская формула о построении социализма «в одной, отдельно взятой стране» великолепно подходила для подгонки идеологии к национальным целям. Революционная идеология должна быть укреплена, чтобы служить интересам отдельного государства. Мао, как до него Тито, действовал в применении этой теории к собственной стране как верный сталинец. Его развитие как независимого революционного «теоретика» было ничем иным, как освобождением китайской революции от интересов советского государства и ее бракосочетанием с интересами китайской империи. Так что, в поисках более фундаментальных причин вражды между Китаем и СССР — «постоянно действующих факторов» — нам следует обратиться к расхождению интере-

** В 1958 г. КНР начала артиллерийский обстрел прибрежных островов, находившихся под контролем Тайваня. США поддержали Тайваньское правительство, КНР была вынуждена отступить.

сов, а не к идеологическим разногласиям.

Беглый обзор идеологических обвинений, выдвигаемых каждой стороной против другой, вскрывает основные корни их соперничества. Советский Союз утверждает, что маоизм представляет собой по существу мелкобуржуазный национализм, внешняя политика которого выражается в попытках установить «гегемонию» Китая в Азии[2]. Китайцы обвиняют СССР в том, что после смерти Сталина он поставил свои личные интересы выше интересов революционного движения и начал стремиться к «гегемонии» во всем мире, в том числе и в Азии[3]. То есть каждая сторона обвиняет другую в стремлении стать доминирующей державой в Азии. Но что может быть естественнее? Две гигантских азиатских империи, и каждая убеждена, что другая стремится доминировать в регионе, а в действительности каждая пытается установить свое собственное господство.



Позиции сторон

Неудивительно, что вопрос о власти и влиянии в Азии завел в тупик попытки улучшить китайско-советские отношения. КНР настаивает, что принципиальное улучшение отношений с Москвой невозможно, пока она: 1) не перестанет поддерживать оккупацию Кампучии Вьетнамом, 2) не выведет свои войска из Афганистана, 3) не удалит свои силы с китайско-советской границы и из Монголии[4]. Вряд ли Советский Союз может удовлетворить эти требования, не отказавшись от своих притязаний на ведущее положение в Азии и не выразив тем самым молчаливого согласия, что Азия является сферой влияния Китая. На сегодня Советский Союз отказывается обсуждать эти требования на переговорах, утверждая, что в эти вопросы замешана третья сторона (Монголия, Вьетнам, Афганистан) и поэтому их нельзя включать в переговоры.

С начала переговоров китайцы добавили еще одно требование: они настаивают на том, что советские ракеты СС-20, размещенные в восточной части СССР, представляют собой угрозу для Китая и потому должны быть удалены. Советские комментаторы утверждают, что размещение СС-20 направлено не против Китая, но против сил США в бассейне Тихого океана. Однако трудно поверить, что некоторые из этих ракет не направлены также и на Китай. То, что Китай включил вопрос о СС-20 в свой список требований, лишний раз подтверждает, что вопрос о главенстве в Азии является решающей проблемой китайско-советских отношений.

Из вышеперечисленных требований Китай больше всего настаивает на том, чтобы Советский Союз прекратил поддержку оккупации Кампучии Вьетнамом. Китайские представители иногда даже намекают, что если Москва сдвинется с мертвой точки в этом вопросе, они согласны подождать со всеми прочими требованиями. Китай считает вьетнамскую оккупацию Индокитая посредством советского оружия вмешательством иностранной державы в дела региона, который является его собственной сферой влияния. Советский Союз, напротив, видит во Вьетнаме эффективного союзника по сдерживанию распространения китайского влияния на юг. Вьетнам также предоставляет важные военно-морские и военно-воздушные базы в поддержку присутствия советского флота в Тихом и Индийском океанах.

Советский Союз справедливо опасается, что Китай попытается использовать перспективы улучшения китайско-советских отношений как средство давления на Вьетнам. И в самом деле, перед каждым новым раундом переговоров вдоль китайско-вьетнамской границы вспыхивают конфликты. СССР чувствует себя обязанным в каждом из таких случаев поддерживать Вьетнам и соглашаться с утверждениями Ханоя, что ответственность за конфликт несет Китай. Китай упрекал Советский Союз в том, что тот позволяет Вьетнаму навязывать свою волю, Ханой устраивает пограничные инциденты в целях срыва переговоров.

Опасения Вьетнама, что Советский Союз может предать его интересы ради улучшения связей с Китаем, базируется на простой оценке событий. Китай значительно более важный игрок на мировой арене и в азиатском регионе, чем Вьетнам, поэтому он по-

[2] Там же, 4 сентября 1971.

[3] Leninism or Social Imperialism. — "Peking Review", No.17 (April, 24, 1970). In: The Foreign Policy of China. Ed. by King O.Chen (Roseland, New Jersey: East-West Who? Inc., 1972), pp.344-369,

[4] См. речь Чжао Цзыяня в канадском парламенте. — "Beijing Review", Vol. 27, Nos.5-6 (January 30, 1984), pp.16-17.

тенциально более важен для СССР. Ясно, что советское руководство не колеблясь пожертвует интересами Вьетнама в обмен на восстановление самого тесного сотрудничества с Китаем. В действительности, Советский Союз оказывается перед лицом совсем другого выбора. Китай требует от СССР конкретных уступок, имея в виду советские отношения с Вьетнамом, Монголией и Афганистаном, в обмен на туманные уверения насчет улучшения отношений. Но что будет означать это улучшение отношений? Китайское руководство совершенно недвусмысленно дало понять, что оно больше не потерпит того типа отношений с СССР (или с какой-либо другой державой), какой существовал в 50-е годы. Премьер Государственного совета Китая Чжао Цзыян сказал японскому посланнику Сусуму Кикайдо: «Китайско-советские отношения никогда больше не будут базироваться на безоговорочном альянсе 50-х годов»[5]. Министр иностранных дел Китая У Сюэцянь подтвердил: «Главное заключается в том, что Китай никогда не присоединится ни к одной великой державе либо группе держав и не потерпит давления со стороны какой бы то ни было крупной державы»[6]. Таким образом, улучшение отношений, которое Китай предлагает в обмен на конкретные уступки, должно быть куда менее стимулирующим, чем возвращение к 50-м годам. Поскольку Китай не слишком распространялся насчет того, на что же будут похожи эти отношения, Советский Союз не может быть уверен, что китайское предложение стóит тесных связей с Вьетнамом. Вьетнамцы же, конечно, не могут позволить себе так широко смотреть на вещи. Поэтому они, вероятно, будут попрежнему делать все возможное, чтобы помешать сближению Китая и СССР. Реакция Вьетнама и дальше будет оказывать сдерживающее влияние на возможности СССР вести переговоры с КНР.

СССР предлагает КНР расширение торговли, научно-техническое сотрудничество и неопределенные договоры о ненападении. Китай, со своей стороны, ничего не имеет ни против торговли, ни против сотрудничества, ни против каких-то мер по смягчению напряженности вдоль своей границы с СССР. Однако китайское руководство боится, что Советский Союз будет сопровождать свои увещевания продолжающимися попытками усилить свое влияние в Азии за счет КНР. Поэтому советское предложение совместимо с потребностью Китая в каком-то периоде смягчения напряженности, в течение которого он будет наращивать свою промышленность и военную мощь, но оно может оказаться несовместимым с уверенностью Китая в том, что бóльшая часть Азии — его сфера влияния, а не СССР.

Реальность

Чтобы сбалансировать возрастание советской мощи в Азии и склонность СССР расширить свое влияние по периферии Китая, китайцы пытаются объединить различные силы региона против советско-вьетнамского альянса. КНР перестала требовать немедленного вывода вооруженных сил США из азиатского района Тихого океана. Пока Китай не придет к выводу, что он может обойтись без американских сил, они нужны ему для контроля советской военной мощи в Тихом океане. Американское влияние нужно Китаю также и при общении со странами-членами АСЕАН*** (многие из которых относятся к нему с нескрываемым подозрением), чтобы этот блок действовал совместно с Китаем и США, в целях предотвращения консолидации вьетнамской власти над Кампучией. Они вместе работали над тем, чтобы помешать международному признанию режима Хенг Самрина, и они заставили разрозненные элементы, боровшиеся против вьетнамского контроля, создать объединенный фронт.

Китай также подстрекал Японию занять откровенно антисоветскую позицию. 12 августа 1978 года Япония и Китай подписали договор о мире и дружбе. Вторая статья договора гласит: «Стороны тем самым заявляют, что ни одна из них не будет стремиться к гегемонии в азиатском районе Тихого океана или в каком-либо другом месте и что они будут противостоять попыткам любой другой нации или наций в установлении такой гегемонии». В этом параграфе явно имелся в виду Советский Союз. Однако японцы настаивают, что договор не был направлен против какой бы то ни было третьей стороны. Кроме того, наибольшее влияние на оборонительную и внешнюю политику Японии имеют Соединеннье Штаты, а не Китай. Китайцы с оговорками признали связи Токио с Вашингтоном как необходимый временный инструмент для блокирования расширения советского влияния. Но они не желают, чтобы Япония играла более значительную роль в регионе, и ревниво относятся к влиянию США на японскую политику.

Проделав большую работу в этом направлении, китайцы пошли на значительные уступки в своих долгосрочных притязаниях на влияние в регионе, чтобы нейтрализовать советско-вьетнамские связи. Если КНР зайдет слишком далеко в своих попытках добиться улучшения взаимопонимания с Москвой, она рискует подорвать свои собственные усилия. Раздираемые противоречиями силы региона, которые сейчас противостоят советско-вьетнамской экспансии, в этом случае могут оказаться в замешательстве. Китайский крен к Москве может преждевременно уменьшить влияние Пекина на американскую политику, когда Китаю еще будут нужны преимущества от американской военной мощи и дипломатического влияния в Японии и АСЕАН. Поэтому Китай должен тщательно взвесить выгоды от улучшения отношений с СССР и потенциальную угрозу его политике противостояния усилению советско-вьетнамских позиций в Юго-Восточной Азии.

Окончание на стр. 40

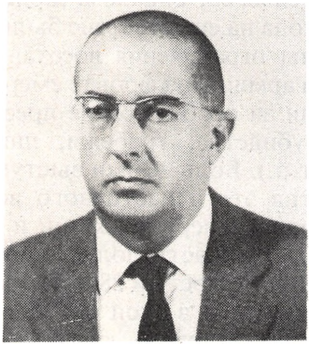
[5] Foreign Broadcast Information Service. — "Daily Report China", February 22, 1983, p. S.1.

[6] Ibid, February 11, 1983, p.A.3.

*** Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Смертная казнь и русские революции

(Окончание)



Витторио Страда

Сборник открывается уже известной нам статьей Соловьева, завершает его замечательная статья Льва Толстого «Божеское и человеческое», вернее, она предшествует заключительной части, которую составляют речи либерально-демократических депутатов Государственной Думы, требовавших отмены смертной казни. Известный «прогрессивный» юрист Михаил Гернет, в советское время посвятивший себя истории царских тюрем, опубликовал в этом сборнике поименный список всех приговоренных к смертной казни за восемьдесят лет русской истории, начиная с 1826 года — года расправы с декабристами — по 1906 год. Общее число казненных — 1397, из них 467 приходится на период до 1905 года.

Здесь я остановлюсь только на выступлениях двух последователей Соловьева — Сергея Булгакова и Николая Бердяева, которые, начав с марксизма, пережили эволюцию «от материализма к идеализму», по названию книги Булгакова, одного из крупнейших религиозных мыслителей XX века. Булгаков и Бердяев считают смертную казнь худшим из преступлений — убийством, холодным, расчетливым, бесстрастным: убийством для убийства. Булгаков заявляет, что бороться против смертной казни всеми доступными в демократическом обществе средствами (книгами, петициями, газетными кампаниями, политическими речами) необходимо, но недостаточно; если ограничиться только этим, то «всевидящее око совести» вскроет ложь такой позиции, ибо «говорить мощным и властным голосом о смертной казни и громить ее может только тот, кто сам готов принять смертную казнь, отрекся от себя. Только равный может выступать за равного, и только эта защита неотразима и непобедима. Жертва за жертву! Вот почему так страшно и так стыдно только **писать** против смертной казни»[12].

В заключение он говорит, что уже пролитая кровь «должна научить нас не только протестовать словесно против смертной казни, но и самим делаться достойными этого протеста, приобрести на него право, внутренне его оправдать. И когда (и если) совершится это перерождение, смертная казнь будет, действительно, побеждена — не внешне, хотя при этом условии и внешняя победа станет легка и естественна, но внутренне, — перестав страшить нас самих, она даст нам силы страшить наемных, механических, бездушных, жалких или презренных убийц»[13].

Бердяев очень четко определяет смысл проблемы смертной казни в России, особенно после революции 1905 года: смертная казнь как политический ответ вначале на терроризм, а затем на революцию. И здесь, как и для уголовных преступлений, отстаивается положение, что смертная казнь, в ее бесстрастно-холодной бюрократической упорядоченности, отвратительнее кровавого насилия террористов или революционеров, движимых целым комплексом внешних и внутренних обстоятельств, и наказание им должно быть иным, чем применяемые ими средства. Бердяев пишет: «Кровь, которую проливает русское правительство, убийства, которые оно совершает, не могут быть подведены под юридический институт смертной казни. Этот криминальный институт давно уже признан нецелесообразным наукой уголовного права, давно уже восстало против него моральное сознание человечества. Но ужас, который сейчас происходит,

[12] Против смертной казни, op. cit., с. 74.

[13] Там же.

нельзя осуждать с юридической точки зрения. (...) Контрреволюция черной смертью пронеслась над Россией, террористическую тактику применила, перед которой бледнеют все революционные терроры мира. (...) Совершает эти преступления государственная власть, мнящая себя христианской»[14].

Читая сейчас выступления Бердяева, Булгакова и других авторов сборника «Против смертной казни», мы восхищаемся духовной силой, мужеством и принципиальностью их обличения и проникаемся негодованием к преступлениям, которые под названием «смертной казни» совершила «государственная власть, мнящая себя христианской».

Массовое применение смертной казни большевиками

Но нельзя не изумляться поразительной исторической метаморфозе, происшедшей в этой области, и, прежде всего, именно в России, и, следуя за другим русским христианским писателем — Александром Солженицыным, который ведет нас по своему монументальному «Архипелагу Гулагу», мы можем только с горечью констатировать происшедшие перемены: если тысяча жертв контрреволюционного царского террора вызывала ужас и громогласный протест, то с миллионами и миллионами жертв революционного большевистского террора русский народ и мировое общественное мнение молча примирились. Я хочу подчеркнуть факт, взятый мною из уже упомянутой статьи Гернета в сборнике 1907 года. Статья «Борьба русского народа против смертной казни» рисует яркую картину начинаний, предпринятых в России самыми разными союзами и ассоциациями (писателей, адвокатов, рабочих, студентов и т.д.) против смертной казни, так что сразу возникает представление о гражданском обществе, дифференцированном и активном, отстаивающем человеческие права. Я сказал бы, что историческая метаморфоза, вызванная октябрьской революцией 1917 года, — не в количественном скачке, самом по себе чудовищном, числа жертв, умерщвленных государством, от порядка тысячи до порядка миллионов, а в том, что наступил конец протесту и прежде всего обществу, носителю протеста. Исчезли также условия возможности протеста, то есть тот минимум демократических свобод, благодаря которым в Москве 1907 года можно было напечатать коллективный сборник «Против смертной казни». Конечно, оба эти аспекта взаимосвязаны, и как раз переход от тысячного порядка к миллионному и объясняет конец гражданского общества.

Передовым силам российского общества удалось еще раз смело высказаться против смертной казни до того, как утвердилось ее господство, пока спустя десятилетия, уже Солженицын, как в свое время Лев Толстой, не разразился своим громовым «Не могу молчать». Здесь мы должны остановиться на толстовском «Не могу молчать», которое было его реакцией на контрреволюционный террор, так красноречиво обрисованный Бердяевым в приведенной выше статье. Это заявление Толстого частично было напечатано в русских газетах, отдельно вышло в тульской нелегальной типографии и широко распространялось по России гектографическим способом. Из этой статьи, гневно бичующей самодержавие с позиций непротивления злу насилием, я приведу только ту часть, где Толстой полемизирует с теми, кто оправдывает контрреволюционный террор злодействами революционеров: «Но как ни ужасны и глупы их дела: все эти бомбы и подкопы, и все эти отвратительные убийства и грабежи денег, все эти дела далеко не достигают преступности и глупости дел, совершенных вами.

Они делают то же, что и вы, и по тем же побудительным причинам. Они так же, как и вы, находятся под тем же (я бы сказал комическим, если бы последствия его не были так ужасны) заблуждением, что одни люди, составив себе план о том, какое, по их мнению, желательно и должно быть устройство общества, имеют право и возможность устраивать по этому плану жизнь других людей. Одинаково заблуждение, одинаковы и средства достижения воображаемой цели. Средства эти — насилие всякого рода, доходящее до смертоубийства. Одинаково и оправдание в совершаемых злодеяниях. Оправдание в том, что дурное дело, совершаемое для блага многих, перестает быть безнравственным, и что потому можно, не нарушая нравственного закона, лгать, грабить, убивать, когда это ведет к осуществлению того предполагаемого благого состояния для многих, которое мы воображаем, что знаем, и можем предвидеть, и которое хотим устроить»[15].

Февральская демократическая революция 1917 года дала России гражданские права и отменила смертную казнь. Это был один из первых актов Временного правительства, однако в июле того же года на его действие были наложены ограничения восстановлением в армии и на фронте смертной казни за особо тяжкие преступления (убийства, грабежи, шпионаж и т.п.). Большевики выступили против этого частичного восстановления смертной казни и после захвата власти полностью ее отменили декретом 28 октября 1917 года. Но и в этой области, как и в любой другой, сразу же проявилось двуличие, продемонстрированное Лениным в отношении, например, пацифизма: с пацифизмом, говорил Ленин в письме Чичерину, большевики боролись как с программой революционной партии, но нигде не сказано, что эта партия не может «использовать пацифистов для разложения врага, буржуазии»[16]. Свои взгляды на смертную казнь Ленин ясно изложил в свое время товарищам по партии. Глеб Кржижановский вспоминает, как однажды, гуляя по берегу Енисея с Лениным, во время их совместной сибирской ссылки в конце прошлого века, мечтательно произнес, что, как только социал-демократы придут к власти, то первым делом отменят смертную казнь. На что Ленин ответил: «Нет, революцию не делают в белых перчатках, мы не

[14] Там же, с. 76.

[15] *Л.Н.Толстой.* Не могу молчать. Полное собр. соч., т. 37. Москва, 1956, с. 90-91.

[16] *В.И.Ленин.* Письмо Чичерину и поручение секретарям. Полное собр. соч., т. 54. Москва, 1965, с. 171.

отменим смертную казнь». Многие ссыльные пытались спорить с Лениным, утверждая, что революция принесет свободу и равенство. Но Ленин раскритиковал эти иллюзии, заявив, что революция приведет к диктатуре. «Он сломил наше сопротивление», — заключает Кржижановский[17].

В случае смертной казни это двуличие обернулось коварством, так как именно с 1917 года ее стали применять в масштабах, беспрецедентных в истории России, да и других стран. Большевистский террор не выдерживает сравнения с террором французской революции как по числу жертв, так и по своей длительности, ибо он не был кратковременным эпизодом, а длился десятилетия, и сталинские «чистки» тридцатых годов не более чем момент этого террора.

Прежде чем перейти к рассмотрению самого важного документа уже безнадежной борьбы против нововведенной в максимальных масштабах смертной казни в России, остановимся на высказываниях крупнейшего русского историка социалистического направления Сергея Мельгунова, который, эмигрировав в 1923 году на Запад, опубликовал книгу «Красный террор в России», важнейшее свидетельство о смертной казни в первые годы советского режима. В мою задачу не входит останавливаться на этих ужасающих данных и сравнивать их с другими, в том числе с данными официальных советских источников. Необходимо, однако, привести принципиальное положение Мельгунова. Историк-социалист, развенчав в своей книге тезис, согласно которому «красный террор» был ответом на «белый», контрреволюционный, и показав, что первый предшествует по времени второму (скоро мы убедимся из неопровержимого источника, что эта идея верна), переходит к характеристике смертной казни, применявшейся большевиками, не для умаления зверств, совершенных их противниками, а с целью исторического анализа специфики нового насилия. Мельгунов отмечает, что традиционно «белый террор» всегда был свирепее «красного», то есть, при реставрации крови проливалось больше, чем при революции. Но теперь поменялись местами не только роли, но и произошло радикальное изменение в теории и практике революционного террора: «Если признавать большевиков продолжателями революционной традиции, то придется признать и изменение этой традиционной исторической схемы. Нельзя пролить больше человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение»[18], а именно новая система насилия, и только немногие европейские социалисты, как, например, Каутский в книге «Терроризм и коммунизм», оказались способны смело обличить ее. Однако большинство европейских социалистов, по справедливому замечанию Мельгунова, сознательно ее игнорировало или же оправдывало как средство революционной борьбы, перечеркнув таким образом самую идею демократии в социализме.

Обличение большевистского террора Юлием Мартовым

Но не только Каутский высоко поднял знамя такого социализма. В самой коммунистической партии России Юлий Мартов весной 1918 года написал и опубликовал страстное воззвание против смертной казни, отмененной съездом советов, но уже широко применявшейся большевиками. Возмущение Мартова было вызвано делом капитана Щастного, которого Верховный революционный трибунал 28 мая 1918 года приговорил, по настоянию Троцкого и с согласия Ленина, к смертной казни. Вот факт, прекрасно характеризующий двуличие, о котором мы говорили выше: когда после оглашения приговора кто-то из публики, присутствовавшей на заседании, напомнил, что смертная казнь отменена, прокурор Крыленко разъяснил, что Щастного приговаривают не к смертной казни, а к расстрелу. И он немедленно был расстрелян[19].

Мартов начинает с упоминания о борьбе в прошлом всех социалистических сил в России против смертной казни и о Февральской революции, положившей конец этому позорному институту. Он напоминает также о том, что, когда Временное правительство восстановило смертную казнь для дезертиров и шпионов, большевики развернули бешеную кампанию против такого ее применения, которое более не касалось уголовных, а тем более так называемых политических преступлений, а было ограничено во времени и пространстве ситуацией военного времени, причем только для особо тяжких преступлений. Такова была позиция большевиков в то время. И, придя к власти, они отменили смертную казнь и на фронте. «Таковы были слова их, товарищи. Теперь вы видите их дела»[20]. И переходит к перечислению фактов: «Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать.

Убивать пленников, захваченных после боя в гражданской войне, — как это делают все дикари.

Убивать врагов, которые после боя сдались на слово, на обещание, что им будет дарована жизнь. Так было сделано в Москве в октябрьские дни, когда большевик Смидович подписал обещание даровать жизнь сдающимся юнкерам, а потом допустил, чтобы сдавшиеся были перебиты поодиночке»[21]. Приведя другие случаи

---

[17] *Р.Берг.* Палачи и рыцари советской науки. — «Время и мы», № 65, 1982, с. 187-188.

[18] *С.П.Мельгунов.* Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979, с. 6.

[19] См. об этом: *I.Getzler.* Martov. A political biography of a Russian Social democrat. London, 1967.

[20] *Ю.Мартов.* Долой смертную казнь! Берлин, 1923 (существует также первое московское издание 1918 года и второе — парижское 1919 года.), с. 4.

[21] Там же, с. 4-5.

того же рода, Мартов утверждает, что «вслед за этими самосудами и расправами, организованными по подстрекательству или попустительству большевиков, начались убийства по прямому приказу органов большевистской власти». «Человеческая жизнь стала дешева. Дешевле бумаги, на которой палач пишет приказ об ее уничтожении»[22]. Этот «кровавый разврат» принимает чудовищные масштабы: «Истребив десятки людей без суда, большевики приступили теперь к смертным казням по суду».

«Они образовали новый верховный революционный трибунал для суда над врагами советской власти (...).

Учреждая этот трибунал, большевики не заявляли, что он будет вправе выносить смертные приговоры, — вопреки постановлению съезда советов, отменившему смертную казнь.

Они скрыли от народа свой гнусный план — создать **военно-полевой суд**, который, подобно столыпинскому, должен отправлять на тот свет неугодных большевистской партии людей.

Воровским манером, контрабандой ввели отмененную 2-м съездом советов смертную казнь по суду»[23].

Здесь Мартов обнажает лицемерие политических и юридических действий новой власти, взяв в качестве примера именно суд над капитаном Щастным, обвиненным в заговоре против советской власти, хотя заслуги его перед революционной Россией велики, и разоблачает «комедию» судопроизводства, якобы доказывающего виновность уже заранее осужденного человека. Причем, смертный приговор немедленно приводится в исполнение, и, если «при Николае Романове иногда удавалось, указав на чудовищную жестокость приговора, остановить его исполнение и вырвать жертву из рук палача», то «при Владимире Ульянове невозможно и это. Мужчины и женщины, стоящие во главе большевистской партии, спали спокойным сном, когда где-то в тиши ночной тайком убивали первого осужденного их судом»[24].

Открылась новая, страшная эпоха. «Зверь лизнул человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход» «для расправы со всеми противниками большевистской партии, для истребления социалистов и непокорных рабочих и крестьян (...) введена вновь смертная казнь»[25]. Но «кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все более ожесточается, все более дичают в ней и звереют люди, все более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм»[26].

Мартов обрушивается с гневной инвективой на большевиков, «обманщиков и клятвопреступников», обманувших «Рабочий Интернационал, подписывая вместе с ним обязательство требовать всюду отмены смертной казни и вводя смертную казнь, когда в (их) руки попала власть»[27]. Особенно беспощаден он к Луначарскому: «Вы, А.В.Луначарский, вы, любящий приходить к рабочим и рисовать перед ними в звонких фразах величие социалистического идеала и всечеловечность социалистического учения, вы, закатывающий глаза к небу и воспевающий братство людей в социалистическом строе; вы, клеймящий лицемерие христианской религии, освятивший человекоубийство, и проповедующий новую религию пролетарского социализма, — вы трижды лжец, трижды фарисей, когда, отдохнув от опьянения пошлой фразой, соучаствуете с Лениным и Троцким в организации убийств по суду и без суда!»[28].

В заключение своего воззвания марксист и социалист Мартов солидаризируется с христианином и анархистом Толстым, с его мощным «Не могу молчать», направленным против легализованных убийств царского правительства. Перед фактом восстановления смертной казни, с самого начала затмившей качественно и количественно смертную казнь времен самодержавия, Мартов обращается к русским рабочим и утверждает, что сам Карл Маркс, «непримиримый враг всего варварства»[29], заставляет крикнуть «нет» обрушившемуся на Россию варварству: «Нельзя молчать! Во имя чести рабочего класса, во имя чести социализма и революции, во имя долга перед родной страной, во имя долга перед Рабочим Интернационалом, во имя заветов человечности, во имя ненависти к виселицам самодержавия, во имя любви к теням замученных борцов за свободу, — пусть по всей России прокатится могучий клик рабочего класса:

Долой смертную казнь!
На суд народа палачей-людоедов!»[30].

Этими словами заканчивается брошюра Юлия Мартова «Долой смертную казнь!». Они же были и последними произнесенными в России словами против смертной казни, пока более полувека спустя Александр Солженицын своим «Архипелагом ГУЛаг» (опубликованным за границей) не подвел первый монументальный итог смертной казни, обрушившейся на миллионы и миллионы людей. Мы знаем, что «могучий клик», на который Мартов так надеялся, не прокатился ни по России, ни по остальному миру. И марксист и социалист Мартов, и христианин и анархист Толстой, с их «не могу молчать», были представителями великой культуры, которая сама была обречена на смерть. Ведь смертная казнь губит не только личности, но и ценности, и, может быть, потеря ценностей, уничтоженных в веке господства концлагерей и ГУЛага, в веке ядерной угрозы, — самая страшная потеря. Но если ценности, как людей, можно распять и расстрелять, то те же ценности могут воскреснуть обновленными, в отличие от индивидов, живущих только в памяти. В заключение хочется выразить надежду, что христианские ценности Толстого и социалистические ценности Мартова, во имя которых они «не молчали» и восставали против самого гнусного применения смертной казни — за политические и идеологические преступления, что эти погубленные ценности тоже воскреснут и станут для нас руководством против лжи и насилия, несправедливости и угнетения, то есть против приверженцев смертной казни по суду или без суда. Но лучше будет сказать, что они уже и еще среди нас и внутри нас. ■

[22] Там же, с. 5.

[23] Там же, с. 6.

[24] Там же, с. 8.

[25] Там же, с. 9.

[26] Там же, с. 10.

[27] Там же, с. 12.

[28] Там же, с. 13.

[29] Там же, с. 14.

[30] Там же, с. 16.

Уникальная фигура в советской науке

(Петр Леонидович Капица)

Владимир Кресин

Владимир Кресин — физик-теоретик. Опубликовал около ста работ, относящихся к различным разделам физики. С 1979 года живет в США и продолжает научные исследования в Lawrence Berkeley Laboratory при Калифорнийском университете в Беркли.

Чем крупнее человек, тем больше противоречий в нем самом и тем больше противоречий в тех задачах, которые ставит перед ним жизнь.

П.Л.Капица

Потеря крупного деятеля культуры или науки всегда невосполнима. Это относится и к Петру Леонидовичу Капице, занимавшему особое место в советской науке. О сложной и интересной жизни ученого невозможно сколько-нибудь подробно рассказать в короткой статье, она неизбежно будет носить фрагментарный характер.

Судьба ученого

Петр Леонидович родился в 1894 году в семье военного инженера. В 1912 году он поступил в Политехнический институт в Петербурге, где встретился со своим первым научным наставником — Абрамом Федоровичем Иоффе. Наука захватила его, и в дальнейшем невозможно отделить биографию Капицы от его научной деятельности. С 1921 до 1934 года молодой ученый живет в Англии, работает в Кембридже в тесном контакте с английским физиком Резерфордом, разгадавшим загадку строения атома. С приходом Капицы в Кембридж стало ясно, что в физической науке появилась новая звезда. Здесь он провел ряд классических экспериментов по физике магнитных явлений, сохранивших свое значение и по сей день. Я не собираюсь в этой статье детально описывать его работы. Хочу отметить только, что Капица вошел в историю физики как один из виртуозов физического эксперимента. Он обладал еще одним редким качеством: он был блестящим инженером. Деятельность физика-экспериментатора и инженера кардинально различны: инженер решает вопросы о массовом производстве того или иного прибора или оборудования, в то время как физик-экспериментатор занимается исследованием какого-либо явления природы. В Капице эти качества уникальным образом сочетались. В Кембридже была специально построена лаборатория Лондонского королевского общества, и Петр Леонидович становится ее директором. В 35 лет его избирают членом Лондонского королевского общества. Избрание столь молодого иностранного ученого — редчайший случай в истории Общества.

В период с 1921 по 1934 год Капица не раз приезжал в СССР повидаться с родными. Однако в 1934 году, когда он приехал в Москву встретиться с матерью, ворота за ним неожиданно захлопываются. Ему не разрешают вернуться назад в Кембридж, где находится созданная им лаборатория и полным ходом идут исследования. Оторванный от своей лаборатории, Капица вынужден на несколько лет прервать научную работу. Советское правительство предлагает ему создать в Москве научный центр. Капица к тому времени был ученым с мировым именем; советским руководителям льстила перспектива созда-

ния института во главе с такой знаменитостью. Резерфорд с разрешения английского правительства посылает в Москву оборудование, приборы. Капица создает в Москве Институт физических проблем, и в дальнейшем вся жизнь Петра Леонидовича связана с деятельностью этого института.

Капица приглашает к себе на работу талантливых молодых ученых. Особо следует отметить приход Льва Давидовича Ландау, работавшего до этого в Харькове. Ландау возглавил теоретический отдел Института, и так началось сотрудничество двух ученых, один из которых был, несомненно, крупнейшим советским физиком-экспериментатором, а другой — крупнейшим физиком-теоретиком.

В конце 30-х годов Капица занимается интенсивными исследованиями в области физики низких температур. Его интересуют явления, протекающие в условиях глубокого холода, при температурах, близких к -270°С, его исследования приводят к открытию так называемой сверхтекучести. В физике возникает новое научное направление, и позднее Капице за эту работу присуждается Нобелевская премия. Ландау в те же годы создает теорию явления сверхтекучести.

В сотрудничество Капицы и Ландау грубо вторгается советская реальность. В 1938 году Ландау был арестован по ложному доносу. Он провел год в тюремной камере и был освобожден только благодаря энергичным действиям Капицы. Много лет спустя Ландау писал: «По нелепому доносу я был арестован. Меня обвинили в том, что я немецкий шпион. Сейчас это иногда кажется мне даже забавным, но тогда, поверьте, было совсем не до смеха. Год я провел в тюрьме, и было ясно, что даже еще на полгода меня не хватит: я просто умирал. Капица поехал в Кремль и заявил, что он требует моего освобождения, а в противном случае будет вынужден оставить институт. Меня освободили. Вряд ли надо говорить, что для подобного поступка в те годы требовались немалое мужество, большая человечность и кристальная честность»[1].

[1] «Комсомольская правда», 8.7.1964.

Ландау в отношениях с людьми был очень ироничен, и все, кто общался с ним, испытывали это на себе. Единственное исключение составлял Капица. Ландау говорил, что не может не относиться особо к человеку, который спас ему жизнь.

В этот же период Капица разрабатывает новый промышленный метод получения жидкого кислорода. Здесь ярко проявился его талант инженера. В годы войны он возглавляет Государственный комитет кислорода, деятельность которого оказалась важной для развития оборонной промышленности.

В 20-е годы.

После окончания войны происходит новый крутой поворот в судьбе ученого. Ему предлагают заняться созданием атомного оружия. Он отказывается, и наказание со стороны Сталина не заставляет себя ждать. Капицу снимают с поста директора института и отправляют в подмосковный поселок Николина Гора, где он в течение нескольких лет находится под домашним арестом.

В 1980 году мир был потрясен ссылкой академика Сахарова. Но это не было новым изобретением системы. На примере Капицы видно, как советская власть использует накопленный ранее опыт.

Ученый вновь оторван от своей лаборатории, Института (директором становится Александров, нынешний Президент АН СССР). Но для Капицы жизнь без физики немыслима, и он делает, казалось бы, невозможное: своими руками создает научную лабораторию в сарае дачи на Николиной Горе и погружается в научные исследования. Он создает прибор, который в дальнейшем находит широкое применение. В названии прибора — ниготрон — первые четыре буквы представляют собой сокращение — Николина Гора.

В 1955 году Капица возвращается на пост директора Института физических проблем и руководит им до конца своих дней, до 1984 года. У него возник новый научный интерес: физика плазмы и электроника больших мощностей. Ученый ежедневно проводил несколько часов в лаборатории, работая руками и непосредственно выполняя все экспериментальные исследования. Со стороны это может показаться тривиальным качеством, но на самом деле Капица был в этом отношении уникален. Дело в том, что экспериментаторы, достигшие в СССР уровня доктора наук, не говоря уже о ранге члена Академии, обычно становятся руководителями лабораторий, и на этом их непосредственная экспериментальная работа прекращается. Измерения проводят сотрудники, а заведующий занимается обсуждением результатов, написанием статей и различной бюрократией. У Капицы на этот счет было четкое мнение: «Я уверен, что в тот момент, когда даже самый крупный ученый перестает работать сам в лаборатории, он не только прекращает свой рост, но и вообще перестает быть ученым»[2]. Институт физических проблем является в СССР истинным чудом. В нем всего около 25 штатных научных сотрудников. Кроме них, в исследованиях участвуют студенты и стажеры. И этот небольшой институт по уровню исследований и числу интересных работ превосходит иные коллективы, насчитывающие по несколько тысяч человек.

[2] П.Капица. Эксперимент. Теория. Практика. «Наука», 1977, с.106.

Сила характера

Деятельность Капицы не ограничивается чисто научными исследованиями. Он — директор Института, член Президиума АН СССР, главный редактор основного научного журнала «Журнал экспериментальной и теоретической физики». Он — один из основателей Физико-технического института в Долгопрудном, под Москвой, лучшего вуза страны, готовящего специалистов по естественным наукам. Вся жизнь Капицы связана с наукой, и вне этой связи его невозможно понять. Он не был политическим деятелем, обычно не высказывался на политические темы, но всегда отстаивал независимость науки от политики. Чувство независимости было вообще его главной чертой. Я вспоминаю речь Капицы на открытии Международной конференции по физике низких температур в 1965 году в Москве. Обращаясь к ученым из разных стран, он с грустью говорил о том, что ученые, их лаборатории стали богаче, но при этом во многом потеряли свою независимость.

В 1973 году началась газетная травля академика Сахарова. Вначале появилось письмо, подписанное несколькими десятками академиков. Затем к ним присоединились члены различных творческих союзов. Именно в это время стало известным грустное высказывание Лидии Чуковской по поводу подписи Шостаковича под письмом, написанным от имени Союза композиторов: «Подпись Шостаковича под протестом музыкантов против Сахарова доказывает неопровержимо, что пушкинский вопрос решен навсегда: гений и злодейство совместны»[3]. Однако вернемся к письму академиков, которое было стартом кампании. Организаторы травли собирали подписи не всех академиков, а только избранных, а именно: директоров институтов, Нобелевских лауреатов, руководителей отделений АН СССР. Подписывались все. Наотрез отказался дать свою подпись один лишь Капица. Конечно, те, кто подписывал письмо, руководствовались различными мотивами. Были среди них и открытые мерзавцы, как, например, Басов. Но многие сделали это под влиянием привычного в СССР чувства страха: одни боялись, что в случае отказа их снимут с поста, другие — что лишат столь приятных поездок за рубеж и т.д. Отказ Капицы произвел очень сильное впечатление. Все с интересом ждали наказания. И что же — его не последовало! Более того, через несколько месяцев Капице, в связи с 80-летием, присваивается звание Героя Социалистического Труда. Не решились власти связаться с мощной и независимой натурой, и это было чувствительной пощечиной всем членам Академии, принявшим участие в травле Сахарова.

Он сумел подняться над этой системой, не раз демонстрируя свою независимость и верность собственным принципам.

Не будучи обычно политически активным, Капица, тем не менее, в определенные моменты фактически становится таковым. Он был одним из авторов известного письма в ЦК, написанного в 1966 году и направленного против восстановления культа личности. Письмо подписали 25 известных деятелей культуры и науки: академики Капица, Арцимович, Леонтович, Сахаров и Тамм, писатели Паустовский и Лидия Чуковская, балерина Плисецкая и другие. Письмо это сыграло важную положительную роль. В книге «Советская наука» Жорес Медведев приводит следующее высказывание Капицы: «Для того, чтобы сохранить демократию и законность, абсолютно необходимо иметь независимый орган, являющийся арбитром в конституционных проблемах. В США эту роль выполняет Верховный Суд, в Англии — Палата лордов. Похоже, что в Советском Союзе эта роль морально выпала на долю Академии наук»[4].

Возникает естественный вопрос: почему советские официальные органы терпели подобное поведение Капицы, не реагировали «должным образом» на его поступки и высказывания? Такая позиция властей связана не только с мировой известностью ученого, но и с особенностями его характера. Петр Леонидович всегда был исключительно тверд в убеждениях и решителен в поступках. Поэтому считали, попросту говоря, что с ним лучше не связываться. К тому же, он не выступал с открытыми антисоветскими высказываниями, а на все остальное высокопоставленные советские чиновники смотрели сквозь пальцы.

Институт физических проблем, руководимый Капицей, славился своими необычными порядками. В течение многих лет сюда приходили люди, далекие от физики, чтобы посмотреть выставки неофициального искусства. Институт был одним из немногих мест, где могли выставляться художники-нонконформисты.

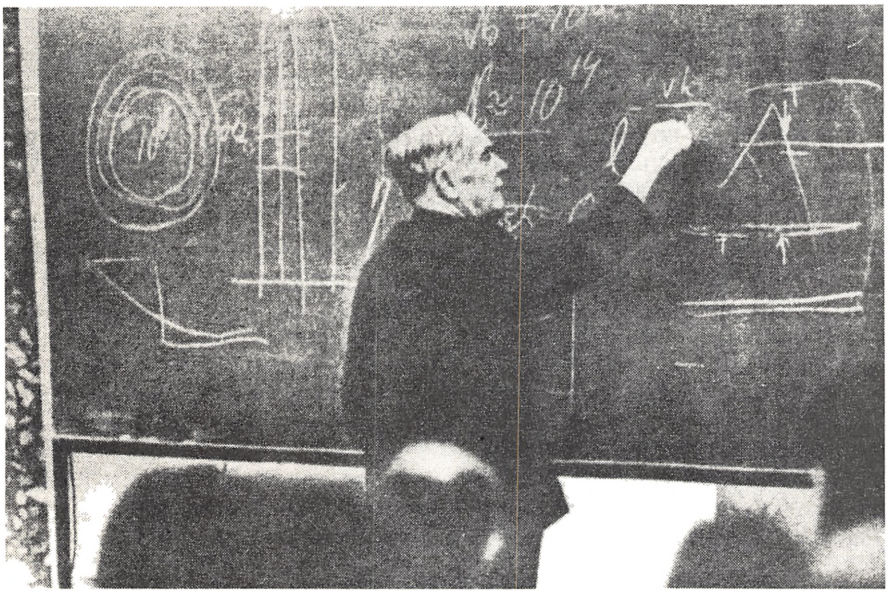
Среди москвичей была популярна история о том, как Капица уволил двоих из трех дворников, работавших при институте, а оставшемуся дал тройной оклад и потребовал, чтобы на территории больше не было грязи.

Однако было бы неверно представлять Капицу приветливым и дружелюбным человеком, ученым «западного» типа, вежливым и демократичным. Напротив, он зачастую бывал резок и нетерпим к чужому мнению, и его взаимоотношения даже с сотрудниками Института физических проблем нередко складывались сложно. Сотрудники называли его выразительным прозвищем «кентавр».

Вспоминаю торжественное открытие Всесоюзной конференции по физике низких температур в Киеве. Большой зал университета был переполнен. По традиции первый доклад делает представитель «хозяев», известный украинский физик. Он рассказывает о своей теории и совершенно опьянен торжественностью момента и собственным величием. В середине доклада он говорит: «Эффект, который я обнаружил, может быть назван эффектом вторичных волн. В свое время, исследуя аналогичное явление, мимо этого эффекта прошел великий Лоренц» (Лоренц — выдающийся голландский физик, один из создателей современной теории электромаг-

[3] Л.Чуковская. Процесс исключения. ИМКА-Пресс, 1979, с.195.

[4] Z.Medvedev. Soviet Science. W.Norton Inc., N.Y., 1978, p.108.



На лекции.

нетизма). В этот момент Капица резко перебивает докладчика: «А Лоренц потому и был Лоренцом, что он на такие пустяки не обращал внимания». Надо ли говорить, что эта реплика существенно повлияла на настроение и аудитории, и докладчика.

Хотя взаимоотношения Капицы с коллегами нередко были далеки от демократичности и дружелюбия, незыблемый авторитет Петра Леонидовича был всегда несомненен. Его могли недолюбливать за тот или иной поступок, но всякое его высказывание, решение всегда вызывали общий интерес.

В 1961 году Капица выступает с докладом, посвященным 200-летию со дня рождения Ломоносова. Тема доклада нетривиальна. Дело в том, что в определенной среде советской интеллигенции давно сложилось мнение о Ломоносове как о дутой величине. Официально он признан национальным гением, его имя носит ведущий университет страны, ему приписываются открытия, которых он не делал. Поэтому тот факт, что Капица собирается делать доклад о Ломоносове, был встречен с некоторым удивлением.

В начале доклада Капица говорит о том, что Ломоносов действительно был великим ученым, и обосновывает свое утверждение, отмечая, что Ломоносову принадлежит открытие атмосферы на Венере, теория атмосферного электричества, тщательная разработка термометрии, учение о кинетической природе тепла и др. Однако далее Капица ставит на обсуждение вопрос, кажущийся на первый взгляд парадоксальным: почему, будучи крупным ученым, Ломоносов не внес никакого вклада в мировую науку? Действительно, работы его оставались неизвестными, они не привели к созданию новых научных направлений, и его крупные научные результаты были — хоть и позднее, но независимо, — получены другими учеными.

Ломоносов не был скромным или застенчивым человеком, напротив, он был весьма тщеславен и всячески старался делать свои работы известными. Истинная причина парадокса, по мнению Капицы, связана с тем, что у Ломоносова не было возможности ездить за границу. Если сделано какое-либо научное открытие, недостаточно просто ограничиться публикацией в научном журнале. Открытие «идет в жизнь» и начинает реально влиять на последующее развитие науки только в том случае, если автор имеет возможность рассказать о нем на международном форуме. Фарадей стал классиком естествознания после того, как доложил о своих работах на заседании Лондонского королевского общества. У Ломоносова такой возможности не было, и в этом Капица видит основную причину той несправедливости, которая связана с судьбой великого ученого.

Выступление Капицы на обычном юбилейном заседании прозвучало очень современно и вызвало большой резонанс.

Капица люто ненавидел Лысенко. Однажды Петр Леонидович присутствовал на собрании, где этот «ученый» излагал основные принципы своей теории. После окончания доклада Капица обратился к Лысенко: «Согласно Вашей теории, человек своим активным вмешательством может изменить природу наследственности. Для того, чтобы быть уверенным в том, что я Вас правильно понял, мне хочется задать Вам следующий вопрос: предположим, что мы у какой-нибудь коровы отрежем ухо. Далее будет отрезано ухо у ее теленка. Продолжим этот процесс, и, таким образом, у каждого представителя нового поколения выбранной коровы будет отрезаться ухо. Можно ли сказать, что таким способом можно в конце концов вывести породу безухих коров?» «Да, Вы поняли меня правильно, — самодовольно ответил Лысенко, — именно это и вытекает из моего учения». «Как же тогда объяснить, почему в течение веков постоянно рождаются девушки?», — задает Капица убийственный вопрос, который делает всю дальнейшую дискуссию бессмысленной.

Следует отметить еще одну сторону личности Капицы. Он всегда интересовался вопросами преподавания физики. Как уже говорилось, Капица был одним из основателей Физико-технического института. Этот институт построен по необычному принципу: начиная с третьего курса, студенты занимаются непосредственно в научных лабораториях базовых институтов, одним из которых является Институт физических проблем. Капица любил придумывать задачи и предлагал их для решения студентам и аспирантам. В 1968 году вышла книга «Понимаете ли вы физику?», в которую входят задачи Капицы. Приведу для примера некоторые из них: «1. Объясните, почему человек может бежать по очень тонкому льду и не может стоять на нем, не проваливаясь. 2. Объясните, почему, когда камень или капля дождя падают в воду, то брызги летят вверх. 3. С какой скоростью должен ле-

теть теннисный мяч, чтобы разбить стекло. 4. Оцените время, за которое замерзает пруд.».

Конечно, любопытный читатель может попытаться решить эти задачи, но я привел их по другой причине. Большинство задач основано на наблюдениях окружающих нас явлений и приучает к зоркости и наблюдательности. К тому же, следует отметить, что задачи Капицы зачастую очень просто сформулированы, но решить их довольно трудно. Капица говорил: «...путем решения задач и примеров можно с раннего возраста воспитывать самостоятельность мышления»[5].

Большую роль играл научный семинар, который был организован Капицей в 30-е годы и регулярно продолжался до недавнего времени. Два раза в месяц, по средам, физики из разных центров съезжались в «Капичник» на заседание семинара, на котором докладывались и обсуждались последние научные новости. Вопросы и замечания Капицы были всегда необычайно интересны и нередко оказывались полезнее самого доклада. После окончания семинара докладчик приглашался на чай в кабинет академика, и дружеская беседа продолжалась допоздна.

Создание образа

Остановимся кратко на том, как в литературе отражается жизненный и творческий путь Капицы. Я не имею в виду его научное наследие. Физики всего мира знают о его научных работах, и ни у кого нет ни малейшего сомнения в том, что Капица — один из крупнейших ученых нашего столетия. Более разнообразен подход к описанию его жизненного пути и его личности. Ничего удивительного — и то, и другое было достаточно сложным.

На Западе, в статьях, посвященных Капице, в основном подчеркиваются его конфликты с советским режимом. Например, в статье, опубликованной в журнале "Physics Today", особо отмечаются его вынужденный разрыв с Кембриджем, отказ от работы над атомным проектом и т.д.

Противоположный образ рисуется в книгах и статьях, опубликованных в СССР. В 1979 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга Ф.Кедрова «Капица. Жизнь и открытия.». Нарисованный в ней образ напоминает биографические фильмы, наводнявшие экран в сталинское время. В таком же стиле написана большая статья Л.Почивалова, опубликованная «Литературной газетой» 16 мая 1984 года. Здесь создается образ крупного ученого, человека счастливой творческой судьбы. Насильственный отрыв ученого от лаборатории в Кембридже и принуждение остаться в СССР сведены к фразе: «В 1934 г. Капица возвратился в СССР». О снятии с поста директора и домашнем аресте в 1946 году — вообще ни слова. Во второй части статьи автор особенно подчеркивает характерную черту Капицы — его исключительную придирчивость в выборе друзей и собеседников. Ученый очень ценит время и поэтому делит его, как на работе, так и на досуге, только с интересными и содержательными людьми. При этом Почивалов со свойственной ему скромностью отмечает, что сам он провел с Капицей долгие часы и дружба их длилась годами. В конце статьи он пишет, что Капица в задушевной беседе с ним выражал озабоченность положением в мире и осуждал авантюризм Запада. Об этом не сказано ни в одной статье Капицы, нет ничего подобного и в его публичных выступлениях. Но это не важно: как может читатель не поверить свидетельству «близкого» друга! В общем, перед нами — очередной образчик того, как в СССР делается история.

Иногда можно столкнуться и с открытым цинизмом. Например, Ф.Кедров, описывая сороковые годы (когда Капица был снят с поста директора Института и помещен под домашний арест), пишет: «...Сталин относился к Капице благожелательно... его отношения с Капицей продолжали оставаться хорошими. Несколько раз они беседовали по телефону». Невольно вспоминаешь «хорошие» отношения Сталина и Булгакова: они ведь тоже разговаривали по телефону.

Подобный подход к описанию жизненного пути Капицы не связан, конечно, с особенностями творческого почерка авторов книги и статьи. Трудно представить себе другое описание на страницах советской печати. Читая подобные статьи и книги, еще раз убеждаешься во «всеядности» советской системы. Любого представителя культуры, науки, искусства она стремится упростить и представить «своим». Вспомним хотя бы статьи и выступления по телевидению К.Симонова, посвященные М.Булгакову. Хорошо известно, сколь трагичной была судьба великого писателя, сколь сложны и мучительны были его взаимоотношения с советским режимом. Обо всем этом нет ни малейшего намека в выступлениях Симонова. Всё приглажено, многое замалчивается, что нужно — искажается, и в результате возникает благополучный образ советского деятеля культуры. Неважно, что этот образ не имеет почти ничего общего с настоящим Булгаковым. Главная задача решена — он превращен в то, что требуется советской системе.

Аналогичный процесс происходит и с Капицей. Его превращают в послушного деятеля советской науки.

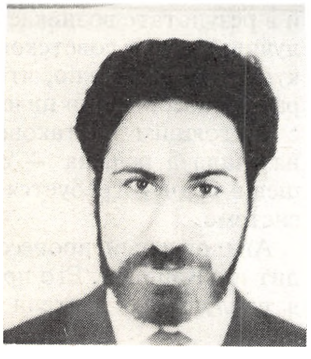
Жизненный путь Капицы был сложен и противоречив. Он жил внутри советской системы и никогда не был ей открыто враждебен. Однако он сумел подняться над этой системой, не раз демонстрируя свою независимость и верность собственным принципам. Капица сумел это сделать, опираясь на свой огромный научный авторитет и на силу своего характера. Именно эти качества позволили ему спасти жизнь Ландау, создать уникальный научный центр, отказаться от работы над атомной бомбой и многое другое. Что же до противоречивости личности ученого, то можно вспомнить его слова, приведенные в эпиграфе к этой статье.

Многие выражали сожаление, что Капица не был диссидентом и не высказывался открыто в их защиту. Нельзя не согласиться с теми, кто выражал сожаление. Но, может быть, все же стоит судить о человеке по тому, что им было сделано, и подумать об огромном вкладе Петра Леонидовича Капицы, о его нравственном влиянии и авторитете. ■

[5] П.Капица, op. cit., с.195.

Ленин и Сталин в Горках

Биография фотографии



Марк Купер

Марк Николаевич Купер — сотрудник Массачусетского технологического института (Бостон, США). Его статьи публиковались в газете «Новое русское слово», журналах «Новый американец» и «Семь дней».

Ежегодно, 21 января, — в день смерти Ленина — эта фотография помещалась на одном и том же месте в центральной «Правде» и в сотнях местных «правд». Помните: «на дубу зеленом да над тем простором два сокола ясных вели разговоры. Уж как первый сокол со вторым прощался, он с предсмертным словом к другу обращался... А соколов этих люди все узнали, первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин». Сама народная песня комментирует фотографию, которая (помимо ритуальных публикаций) смотрела со страниц книг, журналов, учебников... Да и на Западе редкая книга, имеющая хоть какое-нибудь отношение к России, к коммунизму, к революции, обходится без нее. Сопровождают фотографию обычно несколько слов с упором на то обстоятельство, что сделана она во время болезни Ленина в его подмосковном доме в Горках и не является официальной.

Но комментарии в двух книгах, изданных на Западе, заставляют взглянуть на снимок по-другому. «На этой советской фотографии, опубликованной в 1949 году, Сталин и Ленин в 1922 году», — читаем в книге Ричарда М.Кетчума и Абрахама Брумберга «Что такое коммунизм? Обзор мирового коммунизма в фотографиях» (Richard M.Ketchum, Abraham Brumberg. What is Communism? A Picture Survey of World Communism. E.P.Duffon & Co Inc., NY, 1963). Другие авторы — Кеннет Колгрув и Холл Бартлет в книге «Угроза коммунизма» (Kenneth Colegrove and Hall Bartlett. The Menace of Communism. Princeton, New Jersey, 1962) — пишут: «Некоторые специалисты по советской истории считают эту фотографию остроумным монтажом из двух разных, сделанным, чтобы доказать русским всегдашнюю дружбу Ленина и Сталина».

Интересно. Выходит, знаменитая фотография публикуется лишь с 1949 года? Да и — фотография ли?

Попытаемся найти ответ в советских источниках.

Были просмотрены номера «Правды» за 21 января в сороковых годах. Искомое изображение появилось в 1948 году. Не в 1949. Называется «В.И.Ленин и И.В.Сталин в Горках в 1922 году». Оговорки «Публикуется впервые» нет. До 1948 года на традиционном месте помещались рисунки с одинаковой подписью: «Товарищи В.И.Ленин и И.В.Сталин. Рисунок Засл. деят. иск. РСФСР П.Васильева». Рисунки несколько отличаются один от другого — то Ленин держит бумагу и консультируется по ее поводу со Сталиным, то Сталин держит бумагу, а Ленин заглядывает в нее, но всегда ясно, что при всем уважении к Ильичу в данный момент на рисунке главный — Сталин.

Разные эти ситуации с ненавязчивым подчеркиванием первенства Сталина совпадают по духу с эпизодом, рассказанным М.И.Роммом в книге «Беседы о кино» (М., Искусство, 1964):

«Когда я работал над картиной «Ленин в 1918 году», то неожиданно, разводя мизансцену, почувствовал, что совершенно невозможно усаживать Сталина в кресло, а Ленина, раненого, еще не оправившегося, сажать рядом на стул. А между тем, это было в тексте сцены. Я попытался изменить этот эпизод, и у меня состоялась по этому поводу беседа с тогдашним министром кинематографии С.С.Дукельским. Он молча выслушал мои соображения: «Неудобно-де, невозможно, стыдно, чтобы Ленин усаживал молодого и здорового Сталина в мягкое кресло, а сам садился на стульчик», внимательно посмотрел на меня, потом все так же молча вышел в соседнюю комнату, вынул

из сейфа экземпляр сценария и раскрыл его передо мной. На последней странице была начертана резолюция: «Очень хорошо. И.Сталин». А так как сцена, о которой идет речь, заключительная, то невозможно было понять, относится ли резолюция ко всему сценарию в целом или к этой сцене.

— Прочитали? — сказал Дукельский. — Так вот: если вы измените хоть запятую в этой сцене, будете отвечать, а я картину не приму. Я прослежу за тем, чтобы это было сделано точно.

Пришлось делать точно».

...Позже удалось обнаружить изображение с подписью «В.И.Ленин и И.В.Сталин в Горках. 1922 год. Фото» в Большой Советской Энциклопедии, первое издание, том 52, статья «Сталин». Том подписан к печати 30 июня 1947 года (то есть за год до появления фотографии (?) в центральной печати). Статья вскоре стала настольной книгой всего советского народа «И.В.Сталин. Краткая биография», и вместе со статьей в книгу вошел весь подбор иллюстраций. Быть может, фото хранили «в заначке» специально для «Биографии»? Или оно было изготовлено для нее? И действительно ли это первая публикация?

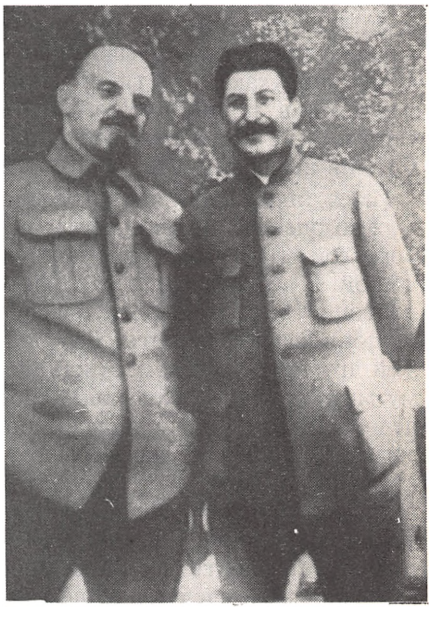
В том же первом издании БСЭ в томе 36 (1938 г.) статья «Ленин» иллюстрируется уже знакомым нам изображением. Подпись: «В.И.Ленин и И.В.Сталин в Горках. С картины худ. А.Н.Михайловского». Еще один вариант — не монтаж, не фото, а картина (кстати, не датированная). Сведений о А.Н.Михайловском найти не удалось. Когда появилась картина, где экспонировалась, фантазия ли это художника, с натуры ли, с фотографии — неизвестно.

В 1922 году Ленина много снимали: на скамеечке, с Надеждой Константиновной, с кошечкой, в кепке, без кепки, с детьми, в пальто, без пальто...

О съемках Ленина в августе 1922 года, произведенных фотографом В.Лабодой, пишет племянник Ленина, сын Дмитрия Ильича Ульянова, Виктор Ульянов. Публикует он воспоминания в 1967 году, а пишет о событих тех времен, когда ему самому было пять лет. Так что ни сведений о Сталине, ни особой точности ждать не приходится. Предоставим ему слово: «Летом он [Ленин] много гулял, купался, ходил в лес по грибы, иногда даже на охоту. Здоровье Ленина улучшилось, но враги Советской России распускали тревожные слухи о болезни Владимира Ильича. Чтобы опровергнуть эти слухи и успокоить трудящихся, газета «Правда» прислала в Горки своего корреспондента, который должен был сделать несколько снимков Ильича на отдыхе». Далее описываются снимки, на которых рядом с Лениным запечатлен будущий мемуарист. («Юность, 1967, №4.)

Подробностей об интересующей нас фотографии, да и простого упоминания о ней, у В.Ульянова нет. Но удалось найти ее варианты, что позволяет говорить о серии снимков, сделанных на веранде дома в Горках.

На одном из них Ленин сидит не в соломенном кресле, а на чем-то с кожаной спинкой, позы тоже несколько отличаются.



На другом снимке, опубликованном в книге А.Барбюса «Сталин» (1935), вожди — плечом к плечу, и видно, что шевелюра Сталина не делает его выше лысого Ленина. О Ленине давно известно, что он коренастый и невысокий, а вот что Сталин едва ли не ниже Ленина — откровение для тех, кто видел Сталина только на портретах. Вероятно, отсюда — небольшая метаморфоза, замеченная в другой публикации снимка сидящих вождей: спинка ленинского кресла (шезлонга?) исчезла, неясно, что он глубоко сидит в нем, зато яснее, на что должна работать «приподнятость» Сталина и «опущенность» Ленина.

В связи с этим рассказ Ромма приобретает несколько иное, но весьма симптоматичное освещение. (О болезненном отношении Сталина к своему росту пишет Ал.Орлов в книге «Тайная история сталинских преступлений»: начальник охраны Паукер «изобрел для Сталина сапоги специального покроя с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в задник. Натянув эти сапоги и став перед зеркалом, Сталин не скрыл удовольствия».)

Имея такой набор фотографий, можно оценить правильность выбора той, что стала затем канонической. В ней масса непреходящих достоинств: спокойствие, доверие и доброжелательность персонажей друг к другу и к окружающему миру; один — сделавший свое дело, другой — принимающий эстафету в крепкие надежные руки; чудесная деталь — всегда при галстуке и пиджаке, Ленин одет во френч, в подобие одежды, которую будет носить все партийное руководство в следующее десятилетие. И, наконец, сидящий чуть ближе к зрителю Сталин кажется выше...

В БСЭ (2-е издание, т.12, 1952) знаменитая фотография иллюстрирует статью «Горки Ленинские». В статье цитируются впечатления Сталина о визитах в Горки летом 1922 г., приводится ссылка на пятый том его сочинений, где эти впечатления напечатаны, а в указанном томе имеется ссылка на их первую публикацию — «Иллюстрированное приложение к №215 газеты "Правда"».

И вот — листки журнального формата «Тов. Ленин на отдыхе. Иллюстрированное приложение к №215 газеты «Правда». 24 сентября 1922 года. Бесплатно».

Фотография «Тов. Ленин и тов. Сталин» помещена на пятой странице выпуска. Итак, первая публикация установлена, и на этом можно было бы поставить точку. Но «Иллюстрированное приложение» — документ столь своеобразный и интересный, что заслуживает хотя бы небольшого разговора.

В «Приложении» двенадцать страниц, почти на каждой — иногда среди текстов — помещено по одной фотографии, на которой обязательно присутствует Ленин. Три страницы заняты только фотографиями. Авторы «Приложения» — Г.Зиновьев («Тов. Ленин на отдыхе», с.1-3), Н.Бухарин («Ильич», с.4), И.Сталин («Заметки», с.5) и другие. БСЭ, которая не адресует читателя к первоисточнику, называет впечатления Сталина «Тов.Ленин на отдыхе. Заметки», объединяя кавычками название всего «Приложения», статьи Зиновьева и собственно сталинские «заметки» — характерный прием дезинформации.

«Приложение» было подготовлено с совершенно определенной целью: дать отпор буржуазной и эмигрантской антисоветской печати, которые вовсю злословят о близкой, если уже не состоявшейся и скрытой от народа, кончине Ильича. Говорит Григорий Зиновьев: «В каком жалком виде предстают перед каждым честным рабочим все эти мелкие людишки, все эти пигмейчики, Милюков, Чернов, Дан, Гессен и К°, которые в течение всего лета 1922 года, нисколько не скрывая своих низменных чувств, на страницах своих газет злорадно гоготали по поводу мнимо-«безнадежного» состояния В.И. Как смешны эти люди с их «тонкими» выкладками о «борьбе за власть», будто бы раздиравшей нашу партию во время болезни тов. Ленина. Некоторые «сочинения» Милюкова, Дана и К°, относительно болезни В.И. и всего, связанного с нею, право, имеют все шансы перейти в качестве образчиков в юмористическую литературу наших дней».

Как знакомо это звучит: «Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь силе ничтожной козявки, видимо, считали себя — для потехи — хозяевами страны... Эти белогвардейские козявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь — временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам. Эти ничтожные лакеи фашистов...» и т.д. — История ВКП(б), Краткий курс, 1946.

Н.Бухарин заканчивает свою статью словами: «Все мы жмем сейчас руку Ильича. Эта железная рука хорошо держит вожжи российской колымаги».

Стихи Демьяна Бедного (кстати, не обнаруженные в девятитомном собрании его сочинений) тоже посвящены состоянию здоровья любимого вождя:

Когда Ильич здоровьем сдал,
Признаться, крепко я опешил
И долго в тон не попадал.
Теперь старик нас всех утешил:
Недуг коварный поборов,
Он снова весел и здоров.
Спасибо всем, врачам и року.
Вся сволочь вражья, что до
сроку
«Сдавала Ленина в тираж»,
Теперь убавит буйный раж.
Зато друзья душой воспрянут
И гулким стуком молотков
И ревом тысячи гудков
Ему привет рабочий грянут.

Заключает «Приложение» информация Л.Сосновского «На чужбине в эти дни», в которой изложены западные и эмигрантские позиции. «Буржуазные газетчики, а за ними меньшевики и эсеры, изображают состояние партии так, что единственный вопрос, интересующий всех, уже не состояние здоровья Ленина, а борьба за власть между претендентами. Троцкий борется с Зиновьевым. Серебряков вызывает с Кавказа Винокурова — как единственного человека, который может проявить твердость. Нет, не Винокурова. Избрана тройка диктаторов: Семашко, Осинский, Преображенский. И — черным по белому — написано у Сосновского: «Назавтра меньшевики сообщают другое: Сталин, кавказец тюркского происхождения, человек с сильной рукой будет диктатором».

Остается добавить, что снимок, ставший хрестоматийным, сделала сестра Ленина, Мария Ильи-

Окончание на стр. 40

коротко о книгах

В.М.Бережков. Страницы дипломатической истории. Изд. 2-е, дополненное. М., «Международные отношения», 1984.

Советские дипломаты не часто радуют читателя своими мемуарами, и поэтому их воспоминания всегда вызывают повышенный интерес. Это относится и к книге В.Бережкова, обобщающему труду автора, начавшего дипломатическую карьеру в 1940 году в качестве секретаря советского посольства в Берлине.

Сталин нуждался тогда в молодых кадрах. Во-первых, дипломаты из старых большевиков были расстреляны; во-вторых, после резкого поворота в советско-германских отношениях, обозначившегося к середине 1939 года, нужно было заменять дипломатов, «скомпрометировавших» себя перед нацистами антифашистскими заявлениями. Так, 3 мая 1939 года был снят с поста М.Литвинов, несколько позже были произведены перестановки в советском посольстве в Германии: снят и арестован Г.А.Астахов, вскоре погибший в лагере, отстранен полпред А.Ф.Мерекалов. Его место занял Деканозов (после смерти Сталина расстрелян по делу Берия); помощником Деканозова стал Бережков, пробывший на этом посту до июня 1941 года.

Бережков, конечно, достаточно осведомленный дипломат, но его информация крайне тенденциозна, а иногда и откровенно сфальсифицирована. Так, он умалчивает о существовании нескольких советско-германских соглашений, подписанных в 1939 году, о разграничении сфер интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Между тем, именно на основании этих соглашений СССР оккупировал Восточную Польшу (Западные Украина и Белоруссия) и Прибалтику. Описывая визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 года, Бережков отрицает благожелательное отношение советского правительства к предложению Гитлера присоединиться к Тройственному пакту и признать право СССР на экспансию в сторону Индийского океана, начав, таким образом, раздел «британского имущества». Бережков пишет: «Здесь Молотов перебил Гитлера, заявив, что не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. Советское правительство заинтересовано в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к границам Советского Союза... Советское правительство со всей категоричностью отвергло германское предложение, отклонив попытку Гитлера втянуть нас в дискуссию по поводу раздела «британского имущества».

На самом деле, именно в результате ноябрьских переговоров Молотова с Гитлером и Риббентропом советское правительство выработало проект «Пакта Четырех держав /Германии, СССР, Италии, Японии/ о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи». Проект предусматривал, в частности, вывод германских войск из Финляндии, «которая по договору 1939 года входит в советскую сферу влияния»; оккупацию советскими войсками Болгарии через заключение пакта о взаимопомощи (как это было сделано с Прибалтикой), поскольку Болгария «географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза»; строительство базы «для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды»; возможность совместных советско-итальянских дипломатических и военных акций против Турции в случае отказа последней присоединиться к пакту. Наконец, в проекте говорилось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза».

Умалчивая о проекте пакта, Бережков пытается доказать, будто советское правительство уже в те месяцы относилось к Германии как к противнику. Это не соответствует исторической действительности: СССР тщетно ждал ответа на свои контрпредложения, Германия от ответа уклонялась. Уже в июле 1940 года германский генеральный штаб начал разработку плана нападения на СССР. Раздел мира не состоялся, но не по вине Советского Союза...

Основная часть воспоминаний Бережкова охватывает период 1941-1945 годов, эти страницы книги достаточно бесцветны и не вносят почти ничего нового в обычную советскую интерпретацию истории межсоюзнических отношений в коалиционной войне. Например, о помощи союзников СССР автор упоминает лишь мимоходом, преподнося ее как незначительную. Между тем, за годы войны США и Англия поставили СССР 18.700 самолетов, 10.800 танков, 52 тыс. джипов, 375 тыс. грузовиков, 35 тыс. мотоциклов, 9.600 орудий. Каждый десятый танк и каждый восьмой самолет Красной армии поставляли союзники, в отношении грузовиков этот процент и того выше. В искаженном виде преподносит Бережков и политические цели Англии и США, убеждая читателя, что в действиях союзников не было доброй воли, один лишь расчет и лицемерие.

Почему это происходит, вполне понятно. Бережков на протяжении всей своей дипломатической карьеры верно служил советской власти. На страницах его книги не обнаружишь даже намека на критическую оценку советской внешней политики — хотя бы в минимальных дозах, хотя бы и ретроспективно. И совершенно естественно, что

для оправдания этой политики на всех ее этапах необходимы фальсификация, необъективность и искажения. ■

Юрий Фельштинский,
Бостон

Юрий Тюрин. Парад. — «Москва», 1985, № 1.
Константин Симонов. Софья Леонидовна. — «Дружба народов», 1985, № 2.

Первые номера советских «толстых» журналов за этот год заполнены произведениями о минувшей войне: в «Дружбе народов» две посмертные публикации — «День, вытеснивший жизнь» Тендрякова и «Софья Леонидовна» Симонова; в «Юности» — повесть о ленинградской блокаде; в журнале «Москва» — художественно-документальное произведение Юрия Тюрина «Парад».

В центре повести Тюрина (имя неизвестное, и о прежних публикациях автора мы ничего не знаем) действительное историческое событие — парад 7 ноября 1941 года на Красной площади — и судьба реального человека Василия Ивановича Агапкина, военного дирижера и композитора, автора знаменитого марша «Прощание славянки», с которым, как сказано во вступлении к повести, «уходили на фронт поколения наших солдат». Между тем, известно об Агапкине немного: есть всего несколько газетных и журнальных публикаций да брошюра, изданная тиражом в 5 тыс. экземпляров. «Маловато, — резюмирует автор предисловия. — Память о талантливом музыканте-патриоте нам нужна». Очевидно, повесть «Парад» и есть иллюстрация того, какого рода память «нам нужна», и с этой точки зрения в ней обнаруживается немало интересного.

Начинается повесть с того, что в октябре 1941 года Агапкина вызывают к коменданту Москвы, генералу Синилову, который устраивает ему формменный допрос относительно данных, почерпнутых генералом из «личного дела» дирижера. Эта довольно унизительная процедура не вызывает у немолодого — ему 57 лет — дирижера ни малейшего протеста, и в унисон генералу он с умилением перечисляет подробности своего нищего детства и многотрудной молодости. Словом, за социальное происхождение Агапкин получает «отлично», с прочим жизненным путем у него тоже все в порядке, и, наконец, он узнает, ради чего его вызвали: ему предложено дирижировать военным оркестром на параде 7 ноября.

На этом этапе и вступает в повесть главное действующее лицо — Сталин. Подробнейшим образом описаны разговоры Верховного Главнокомандующего с маршалом Буденным, с командующим войсками Московского военного округа Артемьевым, с председателем Моссовета и Щербаковым, почти целиком приведены в тексте небольшой повести выступление Сталина на торжественном заседании по случаю годовщины революции и речь на параде. И везде Сталин показан как прозорлиый и мудрый стратег, «горный орел», человек, полностью владеющий положением, спокойный, уверенный в себе, ироничный. Даже то, что дирижировать оркестром будет Агапкин, тоже преподносится как мудрая стратегическая «задумка» вождя. Буденный, вспоминая марш «Прощание славянки», расстроганно говорит: «с этим маршем мои конники громили Деникина и Врангеля... таким образом мы подчеркнем традицию нашей армии... историчность парада». Эти рассуждения вызывают сталинское одобрение: «Вот теперь вы мыслите широко, товарищ Буденный. Нам не следует забывать лучшее из нашего прошлого. Теперь это особенно важно». Тут-то и замечает маршал на стенах сталинского кабинета портреты Суворова и Кутузова: «раньше эти портреты не висели, значит, они появились на днях...»

Наверное, кое-кто будет оправдывать введение образа Сталина в подобную повесть требованиями темы и жанра: как, в конце концов, писать о параде 1941 года, не помянув Сталина? Однако по тому, как подается образ Верховного в повести Тюрина, совершенно ясно, что рукой автора водила не просто осознанная необходимость, но горячая любовь к вождю. Буденный, например, с тревогой замечает у Сталина «покрасневшие от постоянного недосыпания глаза» и думает о том, что «ему скоро исполнится шестьдесят два года, что он смертельно утомлен, нервы его на пределе». Однако при этом Сталин спокоен, мил и даже не прочь пошутить, как, скажем, при обсуждении плана проведения торжественного собрания, когда он спрашивает: «Москвичи не будут возражать, если докладчиком на этом собрании буду я?» Не упускает автор случая подчеркнуть и милые его сердцу человеческие черточки вождя: к примеру, то, что он одиннадцать раз смотрел картину «орденоносца Александрова» «Волга-Волга».

В том же ключе описано и отношение «простого народа» к вождю. Сосед Агапкина по квартире, кинооператор Сергеев, видит «ту не повторимую никаким режиссером минуту, когда к охраняемому чекистами подъезду бесшумно подкатил голубой вагон метропоезда, вышел хмурый бледный Сталин в коричневых сапогах, без фуражки...» Каждое слово сталинских речей находит самый непосредственный и восторженный отклик в душах слушателей, независимо от их возраста, рода занятий и пр. И — многозначительная деталь: когда Сталин заканчивает выступление на параде и выбрасывает вперед руку, эта рука кажется «Василию Ивановичу распротертой не только над площадью — над всей страной, как длань Медного Всадника или Минина на памятнике...» Короче, происходит то, что некогда было запечатлено поэтом в замечательной по лаконичности и верноподданичестве формуле: «мы так вам верили, родной товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе...»

Вообще, по ходу чтения повести Тюрина так и тянет высунуться в окно и, вспомнив уже совсем другого поэта, задать нехороший вопрос: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Потому что, вопреки календарю, создается впечатление, будто время повернуло вспять и на дворе канун пятидесятого года. Уж очень откровенно вылезает в тюринской повести риторика тех лет. У агапкинского соседа пропали без вести два сына, и отец уверен, что они предпочли смерть «позору плена». Герои повести — обитатели коммунальной квартиры в центре Москвы — все славные патриоты, и никто не сомневается, что «победа будет за нами». Единственный усомнившийся — разумеется, еврей: фотограф Самуил Львович, охваченный паникой, вешается. Остальных паникеров где-то за кадром ловят славные смершевцы на московских улицах. И даже снег идет не какой-нибудь там безродно-космополитический, но «благодатный русский снег».

Небезынтересно сопоставить с повестью Тюрина повесть Симонова «Софья Леонидовна». Она была написана в 1959 году как часть романа «Живые и мертвые», но в окончательный текст не вошла и при жизни автора опубликована не была. Действие происходит в ту же осень 1941 года, в оккупированном немцами Смоленске, куда заброшена связистка Маша. Автор довольно подробно описывает быт оккупированного города, и здесь есть несколько любопытных портретов. Это, прежде всего, машинистка Оля, работающая при немцах в управе и постоянно переживающая, что подумает про нее муж-политрук, когда вернется с фронта. На это героиня повести, подпольщица Софья Леонидовна, очень резонно отвечает: «если не дурак, то подумает, что троих малых детей кормить ей надо было или ему отступать не надо было, одно из двух!» Другая героиня, подпольщица Тоня, работающая в казино, заводит себе любовника-немца, причем эта связь никак не обусловлена нуждами подпольной организации, и в постель с немецким врачом Тоня ложится не по «мандату долга», а по «зову сердца», за что автор ее ничуть не порица-

ет. Есть в повести и горькие отголоски первых месяцев войны, месяцев отступлений и поражений, и размышления о пленных и о лжи — «я правды не боюсь, а от неправды устала», признается Софья Леонидовна. Так что, Симонов, чья благонамеренность вряд ли может вызвать сомнения, выглядит в наши дни рядом с Тюриным едва ли не вольнодумцем.

А главное в симоновской повести — внимание и симпатия автора к «маленьким людям», которые стали первыми и главными жертвами огромной войны. И если сравнить непритязательное повествование Симонова с произведением Тюрина, где простые люди используются лишь в качестве обрамления и картонных подставок для котурн, на которые возведен Верховный Главнокомандующий, то обнаружится весьма примечательная разница в художественном методе и эстетике начала 60-х и середины 80-х годов. Разница, от которой становится страшновато. ■

Михаил Костин,
Кембридж

Яннис Димитриадис. Советское проникновение в Грецию. Афины, Roes Publishing House, 1984.

Книга «Советское проникновение в Грецию» недавно появилась в книжных магазинах Афин и сразу стала бестселлером. Ее необычность объясняется несколькими причинами: это первая работа, которая так подробно и тщательно освещает тему; это научно обоснованный ответ на просоветскую пропаганду, многие годы ведущуюся крупными секторами греческих средств массовой информации и книготорговли, и наконец, эта книга позволяет объяснить, как Греция и ее социалистическое правительство стали самым слабым звеном в семье западных народов.

Новизна книги состоит и в том, что она представляет собой самое документированное доступное пособие по советской деятельности в Греции. Это буквально сокровищница имен, дат и документов, причем автор не останавливается перед разоблачением агентов КГБ и даже греков, которые — вольно или невольно — дали себя использовать советской стороне. Написанная в объективном, бесстрастном тоне, эта книга достигает своей цели, не оставляя при этом возможности для клеветы и дискредитации со стороны просоветской Коммунистической партии Греции (КПГ) и многочисленных средств массовой информации, находящихся под ее влиянием.

Для Советского Союза и его приспешников в Греции появление книги Янниса Димитриадиса — неприятное событие, и они предпочитают делать вид, будто ее просто не существует. Свидетельством тому — заговор молчания вокруг книги в левоцентристской греческой печати и то, что коммунистические книжные магазины отказываются ее продавать.

В книге звучит тревожное предостережение: автор приходит к выводу, что советское проникновение в Греции глубже, чем в любой другой западной стране, и что уже, пожалуй, можно говорить о начавшемся процессе «финляндизации».

Но книга представляет собой не просто собрание произвольно выбранных свидетельств о сегодняшней подрывной деятельности СССР. Автор занимается историческим анализом, начиная с XVIII века. Он считает, что Россия всегда, и при царском строе, и после революции, рассматривала Грецию как выход к Средиземному морю. Основное отличие сегодня состоит в том, что в Греции есть относительно сильная коммунистическая партия, подчиненная Москве в значительно большей степени, чем любая другая западная компартия. То же самое можно сказать и о социалистическом правительстве Греции, которое не раз проявляло необычайную готовность поддерживать интересы советской внешней политики в самых разных вопросах — от Польши до ядерного разоружения.

Автор объясняет, что «КПГ полностью подчинена Москве, чего бы это ей ни стоило в собственной стране». Он иллюстрирует это на примере бесстрастного отношения КПГ к правой диктатуре 1967-74 гг., вызванного, в частности, тем, что Москва старалась наладить отношения с «полковниками». В то время как Запад в целом отмежевался от режима — это выразилось в исключении Греции из Европейского совета, враждебности Конгресса США и эмбарго на ввоз американского оружия, — СССР воспользовался международной изоляцией Греции в своих долгосрочных интересах. За исключением визита в Грецию вице-президента США Спиро Агню, ни один западный руководитель или министр иностранных дел не посетил Афины в этот период, и ни один министр хунты не получил приглашения отправиться с визитом в западные страны. Греческие политические противники хунты, в том числе нынешний премьер-министр Андреас Папандреу, процветали в США и других западных странах благодаря сочувствию и поддержке западного общественного мнения.

И, напротив, Грецию «полковников» посетил президент Румынии Николае Чаушеску и министры иностранных дел Болгарии и Югославии. При хунте, в 1971 году, Албания восстановила дипломатические отношения с Грецией, а ГДР открыла торговую палату. Критика режима восточным блоком сводилась к голой риторике, усиливаясь, когда появлялась возможность исказить демократический облик Запада. Соответственно, минимальной была и оппозиция КПГ диктатуре. Действенное, нередко с применением насилия, сопротивление оказывали в основном левоцентристы, некоммунистические силы и консерваторы. КПГ предпочитала потерять престиж в этом деле, только бы не занять позицию, отличную от позиции Москвы. При этом она, несомненно, рассчитывала на то, что вследствие наличия правой диктатуры общественный и политический климат в стране будет все более радикально леветь.

В действительности же, с помощью сети пропаганды, в частности, путем проникновения в греческие средства информации, СССР и его греческим союзникам удалось «вывернуть реальность наизнанку» (используя выражение бывшего сотрудника КГБ, эксперта по дезинформации, перебежавшего на Запад, Станислава Левченко) и представить диктатуру и турецкую интервенцию на Кипр в 1974 году как дело рук Запада. Эту же версию выдвигала и правящая социалистическая партия, с которой Москва и КПГ поддерживают прекрасные отношения.

Книга Димитриадиса также разоблачает миф о советской поддержке греческих интересов в вопросе о Кипре. Москва, утверждает автор, мастерски использовала дилемму, которую представляли для западных правительств отношения их союзников по НАТО — Греции и Турции — и раздула эти противоречия до максимума. Хотя из греко-турецкого конфликта внутри НАТО больше всего выгод извлек именно Советский Союз, он вновь ухитрился «вывернуть реальность наизнанку», умело манипулируя прессой: дело было представлено так, будто США толкали Грецию и Турцию к войне, чтобы продавать оружие обеим! Димитриадис говорит, что Москва постоянно старается поддерживать кризис на Кипре и разногласия между Грецией и Турцией и, по крайней мере, хочет «нейтрализовать» Кипр, чтобы этот островреспублика оказался бесполезным для целей НАТО.

Самое интересное в книге — это рассказ о сегодняшнем советском проникновении. Автор без обиняков представляет голые факты о положении в прессе, о фальшивках, о культурной и экономической деятельности, которая используется Советским Союзом для его подрывной политики. Он называет газеты, компании, отдельных людей, даты и документы. Он называет сотрудников КГБ и других восточноевропейских агентов, действующих под дипломатическим прикрытием, перечисляет отдельные шпионские операции, анализирует поддержку Советским Союзом террористической

→

целях арабских радикалов. Что касается греческой прессы, самого действенного инструмента по формированию общественного мнения, то, по оценке автора, не менее 65% газет, циркулирующих в стране, в различной степени служат трибуной для советской дезинформации.

Что заставило 38-летнего писателя, специализирующегося в области политики и сотрудничающего с несколькими либеральными изданиями, решиться на столь необычное предприятие? «Я считаю эту книгу документированным ответом на ситуацию, когда левые круги и просоветские элементы чуть ли не захватили монополию на каналы информации в Греции, — говорит автор. — Книга отражает также позицию либералов, которые устали от эксплуатации левыми таких понятий, как демократия, свобода и мир. Например, разве это не преступление — позволять, чтобы общественности внушали, будто только Советский Союз заинтересован в сохранении мира, а Запад хочет войны?»

Не пугала ли автора перспектива негативных реакций на книгу? «Я думал об этом, потому что известно, что коммунистические партии и СССР реагируют на подобные явления, используя любые средства, от клеветы до угроз физической расправы, — говорит Димитриадис. — С другой стороны, понятно, что привлекать внимание к таким разоблачениям не в их интересах. Поэтому их позиции в отношении книги — это молчание».

Автор надеется, что появление его книги будет способствовать проведению аналогичных исследований. В самом деле, знаментательно, что некоторые издания консервативной прессы все больше позволяют себе разоблачать агентов КГБ и их деятельность в Греции, как это случилось, например, с тремя участниками недавней мирной конференции, организованной правительством. «Во время работы над книгой мне стало ясно, что многие знают о советской деятельности, но боятся говорить или писать о ней, — пишет автор. — Именно эта нерешительность и страх облегчают работу противной стороны и позволяют ей добиться таких успехов».

Если греческая общественность благодаря этой книге только начинает узнавать о советской подрывной деятельности в Греции, то представители советской стороны наверняка обеспокоены разоблачениями, содержащимися в произведении Димитриадиса. О любопытном факте рассказывает издатель книги: первыми, кто выразил интерес к исследованию Димитриадиса, были два мелких служащих советского посольства — они пришли в кабинет издателя и попросили сигнальные экземпляры книги! ■

Поль Анастази
Афины

Марк Купер

Ленин и Сталин в Горках

Окончание. Начало на стр. 34

нична Ульянова. В «Приложении» Л.Каменев помещает небольшую автоанкету: вопросы и ответы о Ленине. Среди вопросов — такой: «Чем Владимир Ильич интересуется?» Ответ достаточно развернут, демонстрируется множество интересов Ленина, среди прочего «...фотографическими опытами Марии Ильиничны и сквернымиделами в Наркомпросе». Анкета сопровождается уникальным снимком «Тов. Ленин и тов. Каменев», и можно предположить, что беседующих фотографировала Мария Ильинична. Вероятно, различные варианты фотографий Ленина и Сталина, приведенные в данной статье, также принадлежат ей.

В изданном в 1983 году на английском языке издательством «Планета» фотоальбоме «В.И.Ленин» (составитель и автор текста — А.И.Петров) на странице 164 помещена все та же фотография. Подпись «Ленин и Сталин в Горках. Август или начало сентября 1922 года». А.И.Петров составляет альбомы ленинских фотографий с незапамятных времен; мы же располагаем альбомами, вышедшими в 1957, 1961, 1974 годах. В альбоме 1957 года фотография присутствует, в остальные альбомы составитель ее не включал. И — занятная деталь! — на последнем (по времени воспроизведения) снимке лицо Сталина очень заметно изрыто следами оспы, которые на предыдущих фотографиях были тщательно заретушированы. ■

Дэн Л. Строуд

Перспективы советско-китайских отношений

Окончание. Начало на стр. 21

Соперничество СССР и Китая в их борьбе за власть и влияние в Азии — за роль ведущей державы региона — ограничивает их способность к улучшению отношений. Расширение торговли, научно-технических обменов и периодические консультации с целью контроля напряженности между странами — все это вполне реально. Но более радикальное изменение, которое могло бы повлечь за собой какие-либо элементы дипломатическо-стратегического сотрудничества, невозможно до тех пор, пока та или другая сторона не откажется от своих притязаний. А учитывая привычки обоих режимов, это представляется маловероятным. Китайско-советские отношения могут быть более или менее напряженными. Они могут в большей или меньшей мере включать экономическое сотрудничество и политический диалог. Но в основе своей они останутся отношениями соперников. Поскольку фокусом соперничества является географический район в непосредственной близости от обеих держав, и поскольку целью каждой страны является «гегемония» в Азии, соперничество между Китаем и СССР будет скорее интенсивным, нежели сдержанным. Региональные коалиции обеих сторон осложняют и без того ограниченные возможности примирения. Китаю и СССР приходится взвешивать усилия по улучшению связей друг с другом в сравнении с теми потерями, которые такое улучшение может нанести их отношениям с другими дружескими режимами.

Поэтому американские государственные деятели не должны допускать, чтобы СССР или Китай заполучили психологическое оружие для воздействия на Америку путем преувеличения перспектив китайско-советского сближения. США также не должны слишком остро реагировать на улучшения в атмосфере китайско-советских отношений. Наша свобода действий относительно Китая и СССР пока еще значительно превосходит свободу действий любого из этих двух коммунистических гигантов по отношению друг к другу. Позиция США сильна до тех пор, пока они не дают обмануть себя преувеличением перспектив сближения между Китаем и СССР. ■

ДОКУМЕНТЫ ОБОЗРЕНИЕ

Немецкие документы о советско-нацистском сотрудничестве

Ниже мы публикуем некоторые документы из немецкого военного архива о советско-нацистском военном сотрудничестве в 1939-40 годах. Советское руководство продолжает хранить упорное молчание об этом сотрудничестве. В одном из публикуемых документов содержится прямое указание на то, что Сталин принимал непосредственное участие в обсуждении и решении различных аспектов этого сотрудничества. В дополнение к записи беседы, состоявшейся в Кремле 31 декабря 1939 года, из которой можно сделать недвусмысленный вывод о желании Сталина поднять уровень сотрудничества на более высокую ступень — взаимной помощи, хотелось бы привести отрывок из другого документа (здесь не публикуемого). Речь идет о «Дневнике адмирала Редера» (BUNDESARCHIV N 391/V-4), в котором есть запись слов Гитлера, сказанных 9 января 1941 года: «Сталин — хладнокровный вымогатель, он в любой момент способен отказаться от взятых на себя обязательств».

Два других документа относятся к сфере военно-морского сотрудничества, о чем общественность осведомлена меньше, чем о других областях военного сотрудничества между СССР и Германией. О значении военно-морской базы, которую советское правительство предоставило Германии в районе Мурманска, можно судить по тому факту, что за полгода до того, как эта база была передана в распоряжение германского ВМФ, т.е. еще до подписания советско-нацистского пакта от 23 августа 1939 года, верховное командование Германии обсуждало возможность осуществления сухопутной операции для захвата части принадлежащего СССР побережья Кольского полуострова.

Наконец, один из документов повествует о помощи, которую оказала германскому флоту служба Главсевморпути в проводке военного корабля (вспомогательный крейсер) и транспорта из Северного моря в Тихий океан.

Предисловие и публикация историков Михаила Володарского и Хаима Левуша (Тель-Авивский университет, Израиль)

I

Посол Риттер **Секретно**

ЗАМЕТКИ О БЕСЕДЕ

В КРЕМЛЕ 31 ДЕКАБРЯ 1939 г.

Присутствовали:
с немецкой стороны:
посол граф фон дер Шуленбург, посол Риттер, посланник Шнурре, советник посольства Хильгер;
с советской стороны:
господин Сталин, председатель Молотов, народные комиссары Микоян и Тевосян, торговый представитель Барбарин.

Еще 29 декабря 1939 года при обсуждении немецких требований относительно **железа** народный комиссар Микоян заявил, что эту тему необходимо обсуждать с господином Сталиным. По его словам, имеются обязательные для исполнения решения соответствующих советских инстанций, запрещающие вывоз чугуна и металлолома, и эти решения могут быть нарушены лишь с санкции господина Сталина. К тому же, при встрече можно будет обговорить и другие, более важные и до сих пор не решенные вопросы.

Беседа с господином Сталиным продолжалась более трех часов. Все проблемы обсуждались очень подробно. Господин **Сталин** был, по-видимому, настроен не самым лучшим образом. По какому-то незначительному поводу он высказал свое пренебрежительное мнение об Англии и Франции. Хотя по отдельным пунктам он проявил больше понимания германских нужд, чем проявляли до сих пор советские участники переговоров, он, тем не менее, решительно настаивал на выполнении советских требований, о которых он го-

ворил и объем которых все же стал значительно скромнее по сравнению с прежними требованиями советской стороны.

В политическом отношении самым примечательным было то, что он (Сталин) впервые упомянул о **взаимной помощи.** Он сказал это в связи с тем, что советское правительство расценивает договор не просто как обычный договор о товарообмене, но как договор о взаимопомощи. Советский Союз, по его словам, готов помочь Германии доставкой сырья и продуктов питания, которые она в противном случае могла бы купить по более высоким ценам и за валюту. В обмен Советский Союз ожидает помощи со стороны Германии: он хотел бы кое-чему поучиться у Германии, в особенности в области военного вооружения. Если немецкие инстанции беспокоит, что таким образом другим державам станут известны какие-то факты о состоянии немецкого вооружения, то беспокойство такого рода не соответствует отношениям, установившимся между Германией и Советским Союзом. Впрочем, он (Сталин) целиком и полностью признает необходимость держать некоторые вещи в секрете.

Посол Риттер ответил на это, что беспокойство по этому поводу не играет никакой роли в германской позиции. Если правительство Рейха выполнило не все пожелания советской делегации, то на это имеются другие причины. Также и для Германии договор с СССР — не обычный торговый договор. В обмене посланиями от 28 сентября 1939 года советское правительство подтвердило свою готовность помогать Германии поставками сырья. Германия компенсирует эти поставки согласно достигнутой договоренности. Таким образом, Германия тоже окажет помощь Советскому Союзу Еще никогда экспертам не показывали в чужой стране столько, сколько показали в Германии советской делегации. К несчастью, советские пожелания сосредоточены, в основном, в таких промышленных и военных областях, что их выполнение в настоящий момент невозможно или связано со значительными трудностями. В обычных обстоятельствах это было бы проще. Пусть советское правительство не забывает, что Германия сейчас находится в войне с двумя державами из числа сильнейших в военном отношении.

Далее следует подробное изложение хода переговоров.

В соответствии со специфическим поводом встречи посол Риттер обрисовал положение со сталью. Для выполнения заказов Советского Союза необходима сталь. Учитывая собственные нужды германской военной промышленности и вследствие того, что часть прежних поставщиков железа отпала, советские пожелания возможно выполнить только при том условии, что Германия быстро получит железо в пригодной форме, необходимое для выполнения советских заказов. Посол уточнил, что Германия хочет получить по 200 тыс. тонн чугуна и металлолома и 165 млн. тонн железной руды со средним содержанием железа от 55%. С этим связано также требование на поставку 180 тыс. тонн хромовой руды.

Господин Сталин тут же взял слово по этому вопросу и заявил, что Советский Союз не в состоянии поставлять железную руду с таким высоким содержанием железа. Советский Союз располагает своей собственной черной металлургией, которая в настоящее время ориентирована только на обработку руды с высоким содержанием (железа), а не на получение достаточных количеств таковой. Однако он надеется, что развитие советских устройств по добыче и обогащению уже в будущем году сделает возможным поставку высококачественных железных руд. Германия располагает такими устройствами для обогащения руды, с помощью которых она может обогащать, а затем переплавлять даже 18-22-процентную железную руду. Тем более, Германия могла бы использовать руды с содержанием железа 35-40%, предлагаемые ей Советским Союзом. При этом она еще сэкономила бы затраты на обогащение собственной железной руды.

Что же касается **металлолома,** то неизвестно, можно ли доставить все 200 тыс. тонн. Точно так же не в полном объеме может быть поставлен чугун. Но относительно поставок чугуна и металлолома Советский Союз сделает все возможное. Точные цифры будут названы в дальнейшем.

В 1940 году Советский Союз может поставить 100 тыс. тонн **хромовой руды.** Он располагает богатыми месторождениями, и их разработка будет продолжаться. Ввиду отсутствия железной дороги руда пока будет доставляться грузовиками. Через 10 месяцев будет построена железная дорога. В 1941 году поставки могут быть в перспективе увеличены.

В заключение господин Сталин заговорил о советских пожеланиях. Здесь на первом месте стоят пожелания в области **морской артиллерии.** Советский Союз готов ограничиться минимумом. Он хочет учиться у Германии и просит ее помощи в этой области. Помощь эта будет не бесплатной, советская сторона за нее заплатит. Подробнее сведенные до минимума советские пожелания, о которых говорил г-н Сталин, рассмотрены в приложении 1 (не печатается. — Ред.).

Затем г-н Сталин остановился на советских пожеланиях относительно **военных кораблей** и выразил свое удовлетворение готовностью Германии поставить (Союзу) крейсер «Лютцов». Если Германия откажется от поставки других кораблей, находящихся в стадии строительства, по той причине, что хочет достроить их на месте, он ничего не может возразить против такой точки зрения.

Далее он коснулся советских пожеланий в области **станков.** Он заметил, что для советского правительства речь идет в основном о крупногабаритных станках для изготовления оборудования для тяжелой артиллерии. Такие станки срочно нужны Советскому Союзу, и он не очень удовлетворен предыдущим немецким ответом. Немецкая сторона указывала на особые трудности, которые в настоящее время вызывает поставка этих станков. Г-н Сталин сказал, что в этой области хочет ограничить советские требования по немедлен-

ной доставке до минимума. Но он настаивает на такой ограниченной поставке в 1940 году. Нынешнее состояние советских требований в области станков отражено в приложении 2 (не печатается. — Ред.).

Затем г-н Сталин заявил, что общая цена на **самолеты** абсолютно не подлежит обсуждению. Он представит таблицу реальных цен. Если Германия не желает поставлять самолеты, он бы предпочел, чтобы она заявила об этом открыто.

Далее г-н Сталин отметил важность приобретения **сыродутного метода**, который продали уже также и Японии. Затем он выразил свое недоумение по поводу того, что Германия отказывается поставить небольшое количество **перископов** и что даже когда дело касается **аккумуляторов** для подводных лодок, возникают затруднения с поставками.

Посол Риттер сказал, что сообщение г-на Сталина относительно железной руды сильно разочаровало его. Даже если Германия действительно в последние годы достигла значительных успехов при обогащении железных руд с низким содержанием железа, мощность таких установок ограничена потребностями собственного производства. Нам недостает высококачественных железных руд из Испании, Северной Африки, трансатлантических и других стран. Предлагаемые железные руды нежелательны для нас из-за высоких фрахтовых цен и высокого содержания кремневой кислоты. Однако г-н Сталин остался тверд в своем решении, что в этом году поставки высококачественых железных руд исключаются. На вопрос, можно ли рассматривать сообщение о высококачественных железных рудах в 1941 году как конкретную перспективу, г-н Сталин ответил, что об этом он уже говорил.

Затем Риттер подробно рассмотрел упомянутые г-ном Сталиным советские пожелания. Он предварил свое выступление замечанием, что Германия заявила о своей готовности поставить почти все упомянутые г-ном Сталиным товары и лишь отказалась обозначить точно сроки поставок. Отчасти советская сторона назвала сроки поставок, которые непонятны для экспертов. Изготовление **артиллерийской башни** для военных кораблей занимает у нас 3-4 года. Эта цифра была встречена с недоверчивым удивлением. В Советском Союзе, сказали нам, ствольную башню после подготовки чертежей можно сделать за 1,5 года. На это Риттер ответил, что после возвращения в Берлин проверит, можно ли в связи с сильным сокращением советских пожеланий определить сроки поставки.

Относительно **самолетов** посол Риттер указал, что мы предлагаем не только самолеты сегодняшнего и вчерашнего дня, но даже самолеты завтрашнего дня, и что советская делегация всегда говорила о покупке нескольких экземпляров в качестве «образцов». В самом слове «образцы» таится намерение строить самолеты по нашим моделям. Разумеется, в силу этого мы не можем удовольствоваться лишь штучной ценой, но должны требовать оплаты лицензий и компенсации за то, что мы предоставим Советскому Союзу плоды наших дорогостоящих работ и опытов. Г-н Сталин возразил, что пока что самолеты покупаются только для опробования. Они хотят ознакомиться с немецкими типами (самолетов) и учиться на них. Если будет принято решение строить самолеты по этим моделям, то советское правительство обратится к нам и заплатит за это право. Нарком Тевосян вновь заговорил о якобы имеющихся у нас пикирующих бомбардировщиках, обладающих большой скоростью.

Посол Риттер далее сказал, что Германия готова поставить установки по сыродутному методу, но советское правительство должно быстро решить этот вопрос и заключить договоры, потому что изготовление таких установок требует времени. Затем он перечислил причины, по которым в настоящее вермя затруднительна поставка даже нескольких перископов. В 1937 году Германия уже поставила Советскому Союзу такие перископы, так что, в принципе, против самих поставок мы ничего не имеем.

Следующим пунктом в выступлении посла Риттера был вопрос о поставке **цветных** и **закаленных** металлов. Мы не можем извлечь из собственных запасов количества, необходимые для выполнения советских заказов. Поэтому неизбежно, чтобы эти металлы поставлялись советским правительством, и к тому же, своевременно, то есть до начала работ. Проще всего было бы оборудовать для этой цели в Германии комиссионные склады, с которых по мере необходимости изымались бы нужные количества. Г-н Сталин возразил против этого предложения, указав на то, что о строительстве таких складов в Германии наверняка узнает Англия, и это могло бы оказать негативное воздействие на советские возможности закупок этих металлов, также и для Германии, на мировом рынке. Было бы целесообразнее, если бы Германия покупала эти металлы непосредственно у Советского Союза. Советский Союз уже сейчас готов извлечь из своих запасов определенные количества и поставить их Германии. Так, например, может быть немедленно осуществлена поставка 1500 тонн никеля. Через какое-то время возможна также поставка нескольких сот тонн свинца. (Микоян уточнил эти слова Сталина 2 января, сказав, что Советский Союз поставит 1500 тонн никеля, 450 тонн свинца и 65 тыс. тонн меди для оплаты рейхсмарками по расчетному курсу.) Советский Союз, как уже говорилось, готов покупать такие металлы для Германии также в третьих странах. Посол Риттер заметил, что необходимо разделять эти две стороны — предоставление потребных количеств для советских заказов и закупки для обеспечения собственного немецкого производства.

В этой связи г-н Сталин более подробно остановился на том, как богат металлами Советский Союз и какие трудности еще тормозят в настоящее время разработку отдельных месторождений. Эти трудности обусловлены недостатком машин, особенно эскаваторов и горного оборудования, а также недостатком технического опыта

у советских специалистов. В СССР имеются большие месторождения никеля, эксплуатация которых могла бы со временем повысить производство никеля в стране на 20-30 тыс. тонн. То же самое относится к железной руде и другим металлам. В Оренбурге есть железные руды с высоким содержанием никеля. Поставка немецкого угля на Кольский полуостров в обмен на фосфаты, твердые металлы, видия и т.д. Если Германия поставит необходимые машины и оборудование, то добыча в Советском Союзе возрастет настолько, что он сможет обеспечить этими металлами «две Германии». Посол Риттер сказал, что эта перспектива интересна для обеих сторон, и заявил о готовности Германии сотрудничать в этом направлении с Советским Союзом. Если настоящий договор будет подписан, можно разработать программу такого сотрудничества. Председатель Молотов согласился с предложением посла Риттера о встрече в дальнейшем экспертов обеих сторон для разработки такой программы.

Далее посол Риттер сказал, что вчера при разработке текста договора неожиданно возникло новое, очень серьезное расхождение во мнениях. Речь идет о темпе, в котором должны осуществляться германские встречные поставки, чтобы компенсировать советские поставки. Буква и дух обмена посланиями от 28 сентября 1939 года в этом смысле совершенно однозначны. Там говорится: «...сырьевые материалы, которые Германия со своей стороны будет компенсировать промышленными поставками, рассчитанными на **длительный период времени**». Настоящий договор должен быть рассчитан на один год. Даже если мы исходим из того, что Советский Союз осуществит свои поставки, при возможности, в более краткий срок и советские уполномоченные также согласятся на это в изменившихся обстоятельствах, то до сих пор мы безоговорочно подразумевали под термином «длительный период времени», по крайней мере, период более одного года. Это неизбежно следует уже из того, что в случае немецких поставок речь идет главным образом о новоизготовленных предметах и что советская делегация хочет заказать объекты, изготовление которых требует длительного времени — как, например, корабельные башни. Но при разработке текста договора советские представители настояли на оговорке, что каждый квартал будут подводиться итоги поставок и встречных поставок и что при отставании одной стороны в поставках другая может сделать свои выводы и ограничить поставки. При этом было довольно очевидно, что немецкие поставки наверняка будут значительно отставать от советских в первом и втором кварталах, а также, возможно, — и в третьем, и в четвертом. Именно об этом говорилось в обмене посланиями от 28 сентября 1939 года. Новое толкование, предложенное советскими представителями, изменит договоренность от 28 сентября 1939 года в одном, существенном, пункте, и для нас это не приемлемо.

Г-н Сталин поддержал концепцию советских участников переговоров в том смысле, что поставки и встречные поставки должны быть выравнены по крайней мере в конце года. Недопустимо, чтобы в конце года Советский Союз поставил бы товаров на 500 млн. рейхсмарок, а Германия — только на 400 млн. Тогда возникает вопрос о том, чтобы Советский Союз предоставил Германии кредит. Но о кредите речи не было. В таком случае следовало бы говорить о процентах. Подробное обсуждение этого пункта не привело к взаимопониманию. Посол Риттер отклонил точку зрения г-на Сталина как практически неосуществимую и противоречащую соглашению от 18 сентября 1939 года*. Г-н Сталин предложил еще раз вернуться к этой проблеме в дальнейших переговорах.

В конце посол Риттер поставил не решенный до сих пор вопрос о 50-процентной скидке с **железнодорожного сбора на соевые бобы** в связи с оплатой транзитных расходов путем расчетов. Этот вопрос был в ту же ночь урегулирован путем обмена посланиями в интересах немецкой стороны.

* Так в тексте. Должно быть: от 28 сентября 1939 года.

II

Верховное командование
военно-морских сил
Отдел военно-морских операций
I/Skl. Ic 12414/40 gKdos.
Берлин, 29 августа 1940 г.

Секретный
оперативный документ!
Министерство иностранных дел
Легационному советнику
Крамаржу
ОКВ — иностранный отдел

Содержание: Опорный пункт на Мурманском побережье

На основании предложения советского правительства с ноября 1939 года германскому военно-морскому флоту была предоставлена в распоряжение бухта на Мурманском побережье — в настоящий момент эта бухта /.../* в качестве базы снабжения, места стоянки и ремонта. Это предложение было очень ценно для германского командования, ведущего войну на море, пока у немецких вооруженных сил не было на севере собственного опорного пункта. С тех пор как в подчинении у немцев находится Северная Норвегия, использование советской бухты дя вышеозначенных целей не представляется более необходимым. Поэтому командование военно-морских сил предполагает отказаться от базы на русском побережье в районе Мурманска.

Мы просим поручить немецкому посольству в Москве довести до сведения советского правительства это решение и в соответствующей форме выразить благодарность правительства Рейха за бесценную помощь, оказанную германским военно-морским силам предоставлением бухты на Мурманском побережье.

Главнокомандующий германскими военно-морскими силами предполагает выразить благодарность немецкого военно-морского флота в собственноручном послании главнокомандующему советским военно-морским флотом, как толь-

* В копии документа неразборчиво (Ред.).

ко советскому правительству дипломатическими путями будет передано намерение отказаться от северной базы. Поэтому командование военно-морскими силами просит уведомить его о времени, когда советское правительство будет поставлено в известность об этом решении.

По поручению,
Фрике

III

Секретный оперативный документ!

Посольство Германии в Москве
Военно-морской атташе

Москва, 9 сентября 1940 г.

Верховному командованию
военно-морских сил
— военно-морской атташе —
— Берлин 35

Содержание: Проход военного судна по Североморскому пути

После последнего сообщения от 4 сентября, когда судно №31 стояло на юго-востоке от острова Врангеля, дальнейших сообщений от советской стороны не поступало. Русские рассчитывали, что 6 сентября судно будет стоять у бухты Провидения, и заявили в этот день, что, вероятно, рейс закончен. Вряд ли можно ожидать дальнейших сообщений от их представителя. Поскольку на сегодняшний день никаких новых сообщений не поступило, допустимо заключить, что судно, пройдя Берингов пролив, закончило свой рейс примерно 6 сентября. Если это действительно так, то поставлен новый рекорд: рейс осуществлен за 23 дня, прежний рекорд (судна) «Моссовет» — 26 дней (1937 г.). Рейс можно было бы завершить примерно на пять с половиной дней раньше, если бы удалось избежать нескольких не совсем обязательных остановок. Тем самым полностью подтверждается наша оценка, что при нормальных условиях военное судно может пройти пролив примерно за 14 дней. Мы подтвердим эту точку зрения в дальнейшем изложении. Если судно №31 не смогло уложиться в этот срок, то это объясняется тремя причинами:

а) незначительная скорость — 14,3 морских мили в час,

б) стоянки, которых можно было бы избежать,

в) в какой-то степени, ненормальное состояние льда.

На основании скупых сообщений с мест стоянок уже сейчас можно составить следующую картину рейса, опыт которого очень интересен.

1. Состояние льда в 1940 году было в значительной мере необычным. Необычно суровая зима 1939/40 гг., вероятно, оставила на Северном морском пути значительно большие массы льда, чем обыкновенно. Последствия этого следующие:

а) на несколько недель, по сравнению с обычным графиком, запоздал вывод караванов судов из Мурманска,

б) от Новой Земли был выбран самый северный пролив, который обычно не используется, из чего можно сделать вывод, что южные проходы через Карские ворота и Югорский шар или Южная часть Карского моря были забиты льдами,

б) на юго-востоке моря Лаптевых судну пришлось выбираться из заносов пакового льда*.

2.Далее следует рассказ о рейсе.

14 августа судно №31 находилось в бухте Териборка в Мурманске. Так как 17 августа его присутствие отмечено у Маточкина шара, а расстояние составляет 470 морских мили, можно предположить, что судно покинуло бухту примерно за 40 часов до того, то есть 15 августа. Следовательно, 15 августа можно считать первым днем пути.

Перед западным входом в гавань Маточкина шара судно ожидала разъездная шлюпка «Шторм» с двумя лоцманами. При встрече русские условленным образом передали необходимые навигационные материалы. Но здесь, вероятно, имело место еще одна стоянка — примерно на полтора дня.

Выйдя из пролива Маточкина шара, судно начало путь по свободному ото льда Карскому морю. Но только 20 августа, в 6 часов утра, корабль находился на 65° восточной долготы, к северо-западу от острова Белый. За следующие сутки судно преодолело путь длиной в 230 морских мили до острова Диксон, куда прибыло 21 августа в 6 часов утра. Так как можно предположить, что, как минимум, первую часть пути по Карскому морю судно продвигалось с одинаковой скоростью, то примерно 19 августа в 16 часов оно должно было находиться в западной гавани Маточкина шара. Следовательно, проход по проливу Маточкина шара, который отличается своей извилистостью, (его длина 55 морских мили и ширина — 0,5 морских мили), продолжался с 17 по 19 августа. В нормальных условиях, при хорошей погоде и наличии лоцманского судна, этот рейс занял бы не больше 6-8 часов. Задержка судна №31 была вызвана либо встречей с советской разъездной шлюпкой (встреча, вероятно, была необходима для переговоров с комендантом), либо туман и плохая видимость создали особенно неблагоприятные погодные условия.

Около острова Диксон судно встретилось с ледоколом «Сталин». До сих пор море было свободно ото льда, но от острова Диксон начался лед.

Расстояние от острова Диксон до Северошведского архипелага было пройдено еще быстрее — со скоростью примерно 12 морских миль в час. Вероятно, льда было немного. 22 августа в 6 часов утра судно находилось примерно на расстоянии 120 морских миль к западу от пролива Вилькицкого (на 77°17' северной долготы и 94°04' восточной широты). Здесь начинается затянувшееся на несколько дней ожидание: в свободной ото льда воде судно ждало ледокола «Сталин», который должен был провести его через пролив Вилькицкого. Судно оставалось на стоянке до 7 часов утра 23 августа всего примерно в 60 морских мили к юго-востоку от острова Бьянки, не приближаясь при этом к проливу Вилькицкого. Только 25 авгус-

* Сплошные ледяные поля (ред.).

та, после двух с половиной дней ожидания, судно встретилось с ледоколом «Сталин» и отправилось в дальнейший путь к проливу Вилькицкого.

Плавание по проливу Вилькицкого, который был самым трудным участков всего пути, прошло на удивление гладко. Уже 26 августа, в 6 часов утра пролив был пройден. При этом судно проделало почти за 18 часов 180 морских миль, так что средняя скорость была около 10 морских миль в час, что означает, что пролив должен был быть свободен ото льда.

К востоку от пролива Вилькицкого, вероятно, начинаются труднопроходимые участки пакового льда, потому что судно идет вместе с ледоколом «Сталин» вдоль края твердого поля пакового льда, причем судно проводится по направлению к морю. В следующие 24 часа пройдено по прямой 170 морских мили. В это время обнаруживается дрейфующий лед, различной крепости, его толщина достигает иногда 3-5 км, отмечен также густой туман. Наконец, скорость падает до 3,5 миль в час. Проделав еще 80 миль, судно 27 августа, в 15 часов, достигает посередине моря Лаптевых между проливом Вилькицкого и островом Котельный чистой воды. Ледокол «Сталин» покидает его, и судно с большой скоростью (около 15 миль) идеть дальше, к Новосибирским островам, где он 28 августа в 6 часов встает в чистой воде к западу от пролива Санникова.

На этом отрезке пути судно существенно отклоняется от обычного курса. Пролив Санникова раньше почти никогда не использовался. Советские суда всегда следуют по проливу Лаптева, в пределах видимости береговой линии, что можно объяснить тем, что караваны советских судов всегда стремятся к бухте Тикси, где запасаются углем и водой.

29 августа судно уже миновало пролив Санникова. После 10-мильного перехода через Восточно-Сибирское море оно встречает ледокол «Каганович» и 30 августа в 8 часов утра встает к северу от устья Колымы, в 35 милях от мыса Баранова. Здесь имеются отдельные льдины, толщиной в 2-3 км.

Здесь вновь следует задержка, вызванная, вероятно, искусственными причинами, потому что за следующие три дня, к 6 часам утра 2 сентября судно едва преодолело еще 120 миль. Даже при наличии льда этот отрезок пути должен был бы занять не более одного дня. Теперь судно находится в бухте Певека, у северного выхода из бухты Чаунская. Только 3 сентября, в 7 часов утра, пройдя 120 миль, судно останавливается у мыса Беллингс, а следующая стоянка — еще через 80 миль, в 00 часов утра 4 сентября. На этом отрезке перехода судно миновало остров Врангеля.

3. В рейсе судна особенно примечателен его легкий проход через пролив Вилькицкого, который обычно представляет собой главное препятствие на Северном морском пути. Этот факт подтверждает наблюдение, сформулированное в сообщении №83/40г от 30 января 1940 г., глава I:

«На проходимость морского пути (ледовые препятствия) летом меньше влияния оказывает холод, чем направление ветра...»

Обстоятельства такого рода, очевидно, сложились в этом году в проливе Вилькицкого, который, по-видимому, был освобожден от льда северными ветрами, в то время как Карское море и море Лаптевых были забиты на юго-западе льдами. Тем самым, подтверждается большое значение — хорошо понимаемое русскими, — службы оповещения о состоянии льда, вследствие чего судно №31 с самого начала шло по заливу Маточкина шара, вместо того чтобы вести тяжелую и, возможно, безнадежную, и уж в любом случае, длительную борьбу со льдами у Югорского шара.

4. Последняя, почти двухдневная, стоянка судна в бухте Певека, причины которой неизвестны, могла быть вызвана указаниями из Москвы, где еще не достигли договоренности о маршруте. Именно в эти дни соответствующая советская инстанция представила договор с требованием подписать его до 10 часов утра через день и в тот же день оплатить компенсацию за проход судна в размере 850 тыс. рублей. Такой договор (путевые предписания и правила стоянки) должен был быть составлен еще до начала рейса и сообщен коменданту. В результате обычной для местных порядков волокиты он был бы готов для подписания едва ли не после окончания рейса, если бы судно не задержалось в бухте Певека. Таким образом, подпись немецкой стороны и гарантии оплаты были получены лишь в последние дни рейса. При этом договор датирован русской стороной 2 августа.

5. Можно было избежать следующих стоянок: у Маточкина шара — 1-1,5 дня; у пролива Вилькицкого — 2,5 дня; в бухте Певека — 1,5 дня (всего — 5,5 дней).

Военное судно с большим радиусом действия и скоростью хода в 20 миль в тех же погодных условиях и при таком же состоянии льда преодолело бы около 1300 морских миль на полном ходу и последующие 600 морских миль с большей скоростью, чем судно №31, и тем самым можно было бы сэкономить 3 дня пути. Следовательно, военное судно типа наших броненосцев теоретически могло бы проделать этот путь примерно за 14 дней.

6. Состояние льда в этом году вряд ли помешало рейсу судна №31 — это, собственно, самый интересный итог пути — и оказало значительное влияние только в районе острова Врангеля. Как в Карском море, так и в море Лаптевых тяжелый лед можно было обойти, выбрав северный курс, так что корабль следовал в свободной воде.

По предварительным расчетам, дни рейса распределились следующим образом: 9,5 дней — в свободной воде, 3 — в легком льду, 1,5 — в тяжелом льду.

7. Удачный рейс военного судна из Европы в Тихий океан Северным морским путем с целью ведения военных операций — новое явление в истории войны на море. В русско-японской войне была как будто сделана попытка, но она потерпела неудачу. Рейсом судна №31 германские военно-морские силы впервые в истории войны на море успешно использовали Северный морской путь для военной операции. ■

Militärarchiv
RM 12 II / K 10 / 2-91

Sommaire

Alexandre Nekritch. Les leçons de l'histoire.

Dans son éditorial, le rédacteur en chef de "Obozrenie" analyse la signification du changement de direction à la tête de l'Etat soviétique et la façon dont ses dirigeants essaient d'exploiter le 40e anniversaire de la victoire sur l'Allemagne pour servir leurs propres intérêts politiques. Il étudie également la politique de l'Union Soviétique au cours des deux grandes périodes de la secondes guerre mondiale, avant et après l'invasion allemande.

Mario Corti. Peut-on faire confiance à Gorbatchev?

Par une brève analyse des commentaires faits par des hommes politiques de différents pays à l'occasion de l'élection de Gorbatchev au poste de secrétaire général du CC du PCUS, l'auteur démontre qu'il n'y a aucune raison de croire que l'accession au pouvoir de Gorbatchev puisse changer radicalement la politique intérieure et extérieure de l'Union Soviétique.

Une appréciation fluctuante.

A propos du débarquement allié en Normandie. Documents soviétiques de différentes époques sur le débarquement des troupes franco-anglo-américaines en Normandie au mois de juin 1944.

Semion Tchertok. La guerre sur les écrans.

Dans cet article sont passés en revue et analysés les films et documentaires soviétiques sur la seconde guerre mondiale. L'auteur démontre que le cinéma soviétique, suivant en cela les directives idéologiques, donne de la guerre une image déformée et falsifiée.

Kirill Koszinski. Le comité 05 (Souvenirs de guerre).

C'est le récit d'un ancien officier soviétique relatant comment, au cours des combats pour la libération de Vienne en avril 1945, il sauva le chef d'une organisation antifasciste clandestine, le futur chancelier de la République Autrichienne, Karl Renner, qu'allaient fusiller les soldats soviétiques. Publication posthume.

Elena Gessen. " Si la guerre éclatait demain..."

En analysant plusieurs oeuvres d'auteurs soviétique récemment parues. Elena Gessen fait ressortir une nouvelle tendance de la littérature soviétique: la volonté d'inspirer la peur en décrivant sans détours les horreurs de la guerre nucléaire.

Dan L.Strode. L'avenir des relations sino-soviétiques.

Dans cet article est examinée l'évolution des relations entre l'URSS et la Chine au cours des dernières années et sont analysées les origines de différends existant entre les deux pays. L'auteur pense qu'une amélioration des relations sino-soviétiques est peu probable dans un avenir prévisible. Il met donc en garde les dirigeants américains de ne pas tirer des conclusions erronées dans ce domaine.

Vittorio Strada. Les révolutions russes et la peine de mort.

L'opposition au principe de la peine de mort a une longue histoire dans la société européenne. L'auteur analyse l'évolution du combat contre l'application de la peine de mort pour motifs politiques, en Russie, à la fin du XIX^{e}s. et au début du XX^{e}s. ainsi que pendant les premières années qui suivirent la révolution. Fin de l'article dont le début a paru dans le №13.

Vladimir Kresin. Piotr Leonidovitch Kapitsa, une personnalité exceptionnelle du monde scientifique soviétique.

Cet article évoque l'itinéraire personnel et professionnel de l'éminent physicien soviétique Piotr Leonidovitch Kapitsa. L'auteur brosse également le portrait de Kapitsa en tant que citoyen animé de principes moraux, ayant adopté une attitude indépendante, sans compromissions d'aucune sorte.

Notes et impressions.

Cette rubrique contient un article de **Marc Cooper "Lénine et Staline à Gorki, près de Moscou".** L'auteur essaie dans son article de reconstituer l'histoire de la fameuse photographie de Lénine et de Staline qui fut prise à Gorki en 1922 et suit l'histoire de sa publication.

Revue des livres.

Cette rubrique regroupe les comptes rendus des livres suivants: **"La pénétration soviétique en Grèce"** de Yannis Dimitriadis; **"Stranitsy diplomaticheskoi istorii"** (Pages de l'histoire diplomatique) de V.Berejkov; **"Sofia Leonidovna"** de K.Simonov; **"Parade"** (Le défilé militaire) de I.Tiourin.

Documents.

Dans cette rubrique sont publiés des documents, traduits de l'allemand, provenant des archives militaires de Freiburg (RFA), concernant la collaboration germano-soviétique de 1939-40. Publication de M.Volodarski et de Kh.Levouch, historiens israéliens.

Summary

Aleksandr Nekrich. An Education Through History.

In the lead article, the editor of **Obozrenie** analyzes the significance of the change of the Soviet leadership and the ways in which it is attempting to exploit the fortieth anniversary of the victory over Germany for its own political interests. The policies of the Soviet Union during the two major periods of the war — before and after the German invasion — are also discussed.

Mario Corti. Can We Trust Gorbachev?

In this short commentary on the views of several world leaders concerning Gorbachev's election as General Secretary of the Central Committee, CPSU, it is shown that there is no basis for the belief that Gorbachev will be able to radically change Soviet foreign and domestic policies.

Changing opinion.

Soviet sources of different times on the landing of the Allied Forces in Normandy in June 1944.

Semyon Chertok. War on the Screen.

A survey and review of Soviet artistic and documentary films about the Great Patriotic War. The author contends that Soviet cinema, in compliance with ideolgical goals, has invented a false and distorted image of the war.

Kirill Kostsinsky. Committee 05 (From war memoirs).

The story of a former Soviet officer who, in the course of the battle for Vienna in April 1945, rescued the head of the Austrian underground anti-fascist organization and the future Chancellor of the Austrian republic, Karl Renner, from execution by Soviet soldiers. Published posthumously.

Elena Gessen. "If War Will Come Tomorrow..."

Examples of some of the most recent works of Soviet writers reveal a new tendency in Soviet literature: the portrayal of the horrors of nuclear war and the force of fear.

Dan L.Strode. Perspectives on Sino-Soviet Relations.

The author examines the dynamics of relations between China and the USSR and analyzes the sources of discord between them. He contends that a significant improvement in Sino-Soviet relations is doubtful in the foreseeable future and cautions American leaders against drawing mistaken conclusions.

Vittorio Strada. The Death Penalty and Russian Revolutions.

Protest against the death penalty in European society has an age-old history. The author examines the struggle against the application of death sentences in political cases in Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th century as well as in the first post-revolutionary years. Continued from **Obozrenie** No. 13.

Vladimir Kresin. A Unique Figure in Soviet Science (Pyotr Leonidovich Kapitsa).

The life and creative contributions of the distinguished Soviet physicist Pyotr Leonidovich Kapitsa. The author paints a portrait of Kapitsa as a citizen, a man of great moral principles who took an uncompromising and independent position.

Notes and Impressions.

This section contains an article by Mark Cooper, **Lenin and Stalin in Gorki,** an attempt to reconstruct the history of a famous photograph taken in Gorki in 1922, and of its publication.

Short Book Reviews.

The following books are reviewed in this section: **Soviet Penetration into Greece** by Yannis Dimitriadis; "Stranitsi diplomaticheskoi istorii" **(Pages of Diplomatic History)** by V.Berezhkov; "Sophia Leonidovna" by K.Simonov; "Parad" **(Parade)** by Yu. Tyurin.

Documents.

A translation from German of documents concerning the Soviet-German collaboration of 1939-1940 is published in this section. The documents are from the Military Archive in Freiburg, FRG, and were prepared by the Israeli historians M.Volodarsky and Kh.Levush.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Некрич — Воспитание историей 1

Марио Корти — Можно ли доверять Горбачеву? (Глупый вопрос, основанный на банальных размышлениях) 5

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Меняющаяся оценка (О высадке союзников в Нормандии) 7
Семен Черток — Война на экране 9
Кирилл Косцинский — Комитет 05 (из фронтовых воспоминаний) 13
Елена Гессен — «Если завтра война...» 17

СССР : ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Дэн Л.Строуд — Перспективы советско-китайских отношений 21

СССР : ИСТОРИЯ

Витторио Страда — Смертная казнь и русские революции (окончание) 25
Владимир Кресин — Уникальная фигура в советской науке (Петр Леонидович Капица) 29

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Марк Купер — Ленин и Сталин в Горках. Биография фотографии 34

КОРОТКО О КНИГАХ

Ю.Фельштинский — В.М.Бережков. Страницы дипломатической истории 37
Михаил Костин — К.Симонов. Софья Леонидовна; Ю.Тюрин. Парад 38
Поль Анастази — Яннис Дмитриадис. Советское проникновение в Грецию 39

ДОКУМЕНТЫ

Немецкие документы о советско-нацистском сотрудничестве.
Предисловие и публикация М.Володарского и Х.Левуша 41

Почти что юмор 16, 20

SOMMAIRE 47

SUMMARY 48

«ОБОЗРЕНИЕ»
Аналитический журнал газеты «Русская Мысль» (Париж).
Выходит 6 раз в год.
Редактор Александр НЕКРИЧ.

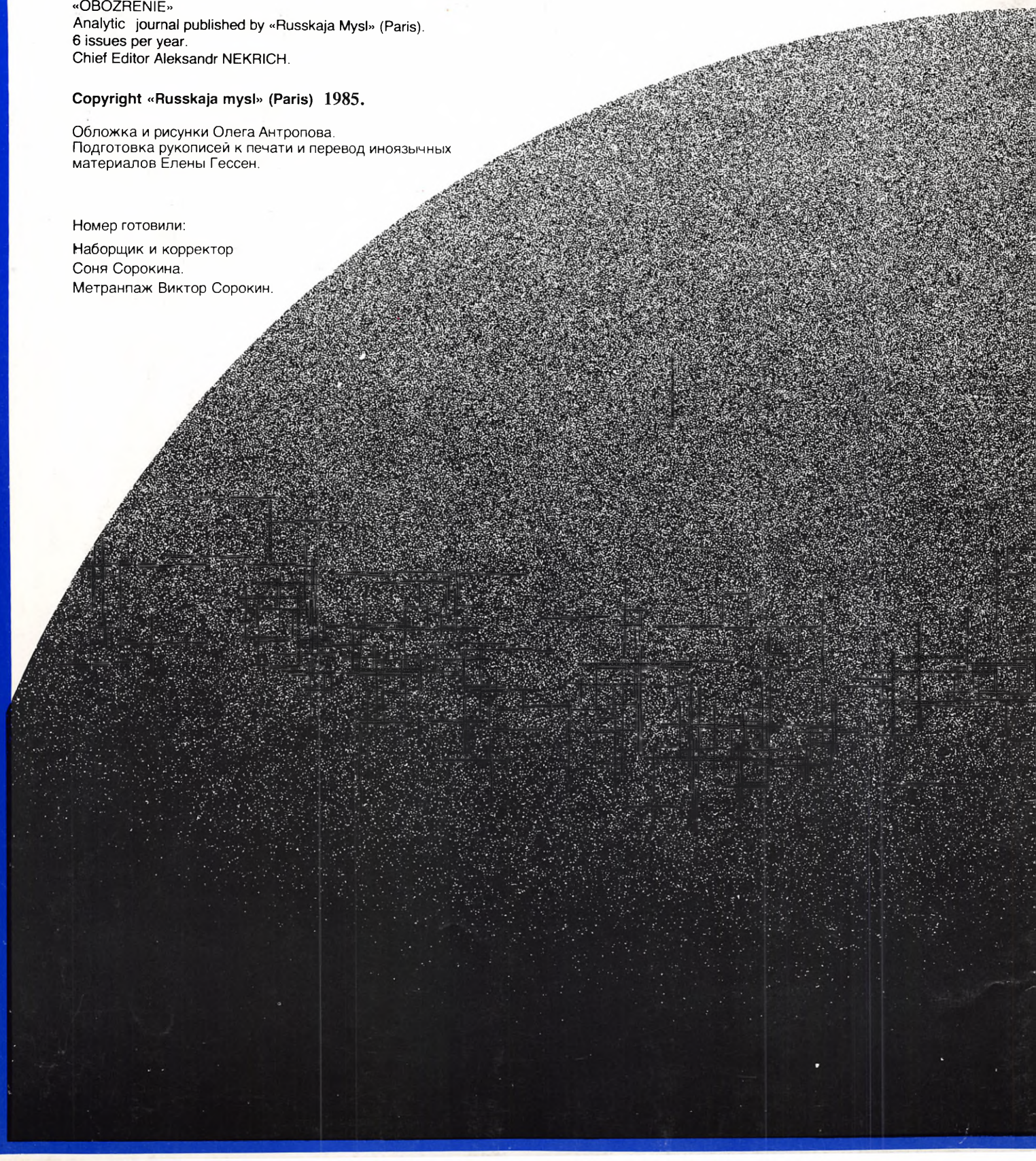
«OBOZRENIE»
Revue analytique publiée par l'hébdomadaire «La Pensée Russe» (Paris).
6 numeros par an.
Redacteur en chef Alexandre NEKRITCH.

«OBOZRENIE»
Analytic journal published by «Russkaja Mysl» (Paris).
6 issues per year.
Chief Editor Aleksandr NEKRICH.

Copyright «Russkaja mysl» (Paris) 1985.

Обложка и рисунки Олега Антропова.
Подготовка рукописей к печати и перевод иноязычных материалов Елены Гессен.

Номер готовили:

Наборщик и корректор
Соня Сорокина.
Метранпаж Виктор Сорокин.

Supplément au journal « La Pensée Russe » N° 3568
Directeur responsable R. Gallouin
Commission paritaire N° 58334